

СЪБИТИЕ

Донна Ванмир

Рождественски
туфли

Рождественская история американской писательницы Донны Ванлир убеждает нас в том, что даже незначительное на первый взгляд событие может навсегда изменить жизнь. Это повесть о надежде, о вере и прежде всего о любви, которая преодолагает самую сильную сердечную боль. * * * «Рождественские туфли» — прекрасная, вдохновенная книга, которую можно с удовольствием почитать и в праздник, и в будний день. Это история о двух совершенно разных людях, чьи судьбы пересеклись лишь однажды в рождественский вечер. Один из них ищет способ вернуть семью, которой долго не уделял внимания, в то время как семья другого пытается примириться с потерей матери и жены. Американская писательница Донна Ванлир убеждает нас в том, что даже незначительное на первый взгляд событие может навсегда изменить жизнь. Это повесть о надежде, о вере и прежде всего о любви, которая преодолагает самую сильную сердечную боль.

- [Донна Ванлир](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
 - [РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ТУФЛИ](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-
-

Донна Ванлир

Рождественские туфли

*Трою,
который всегда поддерживает, всегда вдохновляет, всегда
верит*

Трой, спасибо тебе за то, что ты неустанно подбадриваешь меня и воодушевляешь на штурм новых высот. Я люблю тебя, потому что с тобой мне не страшно следовать за мечтой.

Благодарю Эдди Карсвелла, Билли Гудвина и других участников группы «Ньюсонг» за их прекрасную песню, которая трогает и всегда будет трогать миллионы сердец и которая положена в основу этой книги.

Хельга Шмидт, спасибо тебе за твое нежное сердце и за то, что ты поделилась со мной своей трогательной историей. Она изменила нас всех.

С самого начала работы над этой книгой Дженнифер Гейтс неизменно проявляла непоколебимую уверенность в моих силах, помогала и поддерживала меня. Без нее у меня ничего не получилось бы... Надеюсь, наше сотрудничество продолжится!

Дженнифер Эндерлин и сотрудники издательства «Сент-Мартинс Пресс», спасибо за ваш энтузиазм и усилия, направленные на то, чтобы книга вышла как можно скорее!

Эсмонд Хармсуорт (и агентство Закария Шустера Хармсуорта), Марк Максвелл и Дон Закарий, благодарю вас за то, что уделили мне время и оказали неоценимую помощь.

Дебора Чайл не раз перечитывала книгу и давала ценные советы. Спасибо.

Я благодарю судьбу за то, что в мире есть такие люди, как Эдди и Терри Карсвелл. Мы стремимся стать хоть капельку похожими на вас... правда.

Остальные помощники, родственники и друзья: мои родители, свекор Дэйв и свекровь Викки, которые всегда любили меня как родную, дамы из «Мандей Найт», Винс Уилкоккс, Брайан Смит и сотрудники «Тернинг Пойнт», Боб и Дана Греш, Пол Гримшо, а также Джордж Кинг, Дин Диель, Джимми Уиллер, Джеки Марушка, Бенджи Джентри и коллективы «Реюнион Рекордс», «Провидент» и «Джайв Рекордс». Спасибо вам всем.

И наконец, хочу поблагодарить Бейли, моего преданного соратника по написанию книги, за то, что он всегда был рядом и неизменно поддерживал меня.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня

Некоторые люди могут прожить всю жизнь, не замечая маленьких чудес, что случаются с нами каждый день, — этих благословений, которые Бог посылает нам с небес для того, чтобы заставить нас улыбнуться, рассмеяться или растрогать до глубины души, чтобы легонько привлечь нас поближе к своему боку.

Когда-то я тоже не обращал внимания на эти волшебные мелочи: смех моих детей, их первые неуклюжие шаги, их маленькие ручки, цепляющиеся за мой палец в поисках поддержки. Я не видел, как одно время года сменяется другим, как весной голые ветви кизила взрываются пышным цветом, как летом дубы одеваются в густую зелень, укрывая наш дом прохладной тенью. Я не замечал теплых взглядов и звонкого смеха жены. Не понимал, каким счастьем обладаю — ее любовью.

Однажды вечером, когда радость была далеко-далеко, Божья благодать коснулась меня, и я прозрел. Та же благодать подвигла меня написать эту историю, поделиться с вами тем, что я понял, хотя должен признать: до того, как это случилось, никакие истории, никакой чужой опыт не смогли бы достучаться до моей души.

Мы все задаемся вопросами. Мне потребовалось немало времени, чтобы разобраться, какие вопросы действительно важны. Оказалось, что терзающие меня «как?» (Как заработать побольше денег? Как получить повышение?) совсем не имеют значения. Нет, нужно задумываться о другом. Например, о чем думают под снегом цветы? Или когда птицы заказывают билеты, чтобы лететь на юг? Или что хочет от меня Бог? Или о чем мечтает моя жена?

Год назад я наконец смог сложить все кусочки воедино. Я встретил молодого человека, который рассказал мне, как все было. Теперь я знаю правду, потому что понял: по жизни меня вела рука Бога.

Кое-кто, а может, даже и вы, мой читатель, увидит в моей истории простое совпадение — случайную встречу, ничем не примечательное пересечение двух жизней. Было время, когда я сказал бы то же самое. Еще совсем недавно никто не смог бы убедить меня в том, что Бог с помощью пары тувель изменит чью-то жизнь. Но теперь я верю, что так оно и было.

Я глубоко в это верю.

Бог дал нам величайшее доказательство любви, какое только возможно.

Эндрю Мюррей

ПРОЛОГ

Рождество 2000 года

В ту зиму Рождество пришло без снега, что для нашего города весьма необычно. Осень была прекрасная: солнечная и мягкая. В День благодарения все еще ходили в летних нарядах. Только с приближением рождественских каникул природа повернулась к зиме, однако вместо снегопадов на наш город обрушился ледяной шторм, повалив множество деревьев и покрыв все коркой льда. Такой гололедицы не помнили даже старожилы. После шторма наступили ужасные холода, а снег так и не пошел. Улицы лежали темные и мрачные, несмотря на льющиеся из всех магазинов рождественские песни, и все ждали, когда же придет настоящее — белое — Рождество.

Шины автомобиля проворачивались на заледенелом асфальте. Я сдал немного назад, развернул колеса под другим углом и во второй раз попытался взобраться на холм перед кладбищем. Машина добралась примерно до середины подъема, затем колеса вновь потеряли сцепление и завертелись на месте. Я прибавил газу, но ничто не помогало. Включив нейтрал, я позволил автомобилю скатиться вниз к подножию холма и заглушил двигатель.

С дороги мне был виден надгробный памятник, покрытый сверкающим инеем. По краям свисали сосульки, к холодному камню примерзли коричневые листья. Придется все это счищать, и только потом могилу можно будет украсить. Я решил оставить приготовленные украшения в багажнике, а сначала заняться уборкой.

Стоило выйти из машины, как мне в лицо с воем вцепился колючий ветер. Я плотнее запахнул шерстяное пальто и натянул перчатки. Шапку я забыл дома, поэтому пришлось удовольствоваться поднятым воротником. Я захлопнул дверцу машины, поежился и направился вверх по склону.

Подниматься в гору пешком оказалось ничуть не легче, чем на машине. Перед каждым шагом я тщательно выбирал место, куда поставить ногу, чтобы не поскользнуться. Наконец подъем остался позади.

По заросшему деревьями кладбищу разбегались многочисленные тропинки, но по большей части ледяная изморозь на них была не тронута. Я приблизился к могиле, которую украшал каждое Рождество. Имя на памятнике скрывала наледь. Не жалея перчаток, я принялся соскребать листья и лед. Вскоре луч солнца осветил дату смерти: 1985 год.

Это было пятнадцать лет назад...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Декабрь 1985 года

*Мы шли, молитвы позабыв,
Сквозь муки без числа.
И в сердце каждого из нас
Надежда умерла*

Оскар Уайльд [Ш](#)

Зимой 1985 года первый большой снегопад пришелся на День благодарения, после чего снегопады повторялись каждые две-три недели, и каждый оставлял после себя несколько дюймов, а то и целый фут снега. Город стал похож на рождественскую открытку задолго до наступления праздника.

Школьные занятия в ту зиму отменялись чаще, чем в предыдущие пять лет, вместе взятые. Почти каждую неделю Дорис Паттерсон приходилось заново переписывать учебный план для своего второго класса.

За двадцать девять лет работы учительницей Дорис привыкла к неожиданностям. Там, где другие видели хаос, она видела новые возможности. Когда по трансляции объявили о том, что уроки сегодня заканчиваются раньше обычного, ей захотелось дать своим ученикам на дом какое-нибудь интересное задание в дополнение к традиционным примерам и упражнениям по письму. Например, написать короткое сочинение на тему «О чем думают под снегом цветы?» или «Когда птицы заказывают билеты, чтобы лететь на юг?» Подобные задания, пусть и простые на первый взгляд, будили у ребят воображение и давали замечательный материал для ее альбома, где Дорис хранила лучшие образцы творчества своих учеников.

Уже несколько лет Дорис раздумывала, не уйти ли на пенсию, но ей все казалось, что еще рано, что она еще не готова. До недавнего времени. В прошлом месяце она уведомила дирекцию школы о том, что этот учебный год будет для нее последним. Муж Дорис уже четыре года был на пенсии. Он купил новенький джип, яркой краской вывел на чехле запаски «Херб и Дорис» и теперь горел нетерпением отправиться с женой в путешествия по неизведанным дорогам. Может, виной тому была нынешняя снежная зима, но внезапно и Дорис почувствовала тягу к более теплым южным краям.

Одним из основных принципов Дорис в преподавании было не заводить любимчиков. И тем не менее в каждом классе находился один ученик, который западал ей в душу глубже остальных. В 1985 году таким ребенком стал Натан Эндрюс. У него были светлые волосы, огромные голубые глаза и застенчивая улыбка. Дорис обратила внимание, что в последние несколько месяцев он притих, из его взгляда исчез былой задор. Другие второклассники то и дело перебивали ее жалобами вроде «Миссис Паттерсон, а Чарити чихнула мне на голову!» или «Эй, миссис Паттерсон, а Джакоб плюется в меня бумагой!». Натан же тихонько подходил к учительскому столу и шептал: «Миссис Паттерсон», а потом терпеливо ждал, когда Дорис обернется к нему. По сравнению с шумными, громогласными одноклассниками серьезный и сдержанный Натан казался не по годам взрослым. И почему-то это вызывало

жалость.

Некоторые из коллег Дорис считали, что дети из бедных семей непослушны и болтливы. Дорис придерживалась иного мнения. Она знала, что родители Натана были не богаты. Мистер Эндрюс работал в местной автомастерской и, как поговаривали, едва сводил концы с концами. И тем не менее Натан был одним из самых вежливых учеников, которых Дорис встречала почти за три десятка лет работы в школе. Это говорит о том, рассуждала она, что для хорошего воспитания требуется не материальное благополучие, а любовь и внимание к детям.

В начале учебного года мама Натана часто вызывалась помочь Дорис в классе. Она вырезала из бумаги наглядные пособия для уроков математики, писала на табличках слова для занятий правописанием, рисовала стенгазеты и украшала класс к праздникам. При виде матери Натан каждый раз гордо и радостно улыбался. Но вот уже много недель Мэгги Эндрюс не появлялась в школе.

Потом к Дорис пришел Джек, отец Натана, и сообщил, что его жена серьезно больна. У Мэгги обнаружили рак, и прогноз был неутешительным. Неудивительно, что Натан стал часто отвлекаться на уроках. Он был слишком мал, чтобы полностью осознать происходящее, и, вероятно, еще не понимал, что его мать умирает, но порою Дорис видела в его глазах тоску — знакомую и ей самой.

Дорис было двадцать лет, когда ее мать умерла от рака. Это событие оставило неизгладимый след в жизни Дорис. И теперь она с болью в сердце наблюдала за тем, как мальчик стирает что-то в тетрадке ластиком, маленькой ладошкой размазывает по щеке слезу и продолжает работу. Раньше у Дорис никогда не было учеников, лишившихся одного из родителей, и она не знала, как вести себя, что говорить. Детей, потерявших домашнего питомца или дальнего родственника, она утешала нежным прикосновением или освобождала от занятий, но в данном случае все это казалось неуместным. Она помнила, что после смерти матери банальным словам соболезнования предпочитала, чтобы окружающие вообще ничего не говорили ей. Иногда молчание — лучшее, что можно предложить, думала Дорис, глядя, как Натан пытается заточить карандаш. Было что-то невыразимо трогательное в том, как он борется с непослушной точилкой. Она шепотом помолилась, прося Бога согреть мальчика в своих объятиях.

* * *

Я отшвырнул телефонную трубку. В двадцатый раз я набирал номер и в двадцатый раз в ответ раздавались лишь короткие гудки. В сутках и так было мало времени, а терпения у меня оставалось и того меньше.

— Скажет мне кто-нибудь, как пользоваться этой проклятой станцией? И чем был плох старый телефон? — заорал я через открытую дверь своей секретарше.

Гвен Стурдивант, проработавшая со мной уже десять лет, поспешила на помощь.

— Сначала выберите свободную линию. Кнопки занятых линий горят красным, — начала она объяснения.

— Я знаю, знаю, Гвен, — раздраженно перебил ее я. — Мне тридцать восемь лет, и я понимаю, как работает телефон. Я хочу знать, почему каждый раз, когда я звоню, я слышу короткие гудки!

— После того как вы наберете номер, дождитесь сигнала и дополнительно наберите код клиента, которому вы звоните и который будет оплачивать счет за разговор. — Гвен спокойно продемонстрировала всю операцию с начала до конца.

Когда я начинал работать в этой фирме, телефонные счета, коммунальные услуги и офисные принадлежности оплачивались компанией как общие расходы. Теперь все — факсы, ксероксы, телефоны — имело особый код. (Я был готов к тому, что скоро закодируют даже мой пейджер.) В результате простейшие действия вроде набора номера превратились в многоэтапные манипуляции — а все ради того, чтобы фирма смогла выставить нашим клиентам счет за каждый потраченный на них пенни.

— Ох, просто соедини меня с Дугом Креншо! — прорычал я.

Я работал в юридической фирме «Мэйтерс, Уильямс и Херст» уже тринадцать лет, с того момента как пришел сюда вскоре после окончания юридического факультета — с горящими глазами, полный наивного оптимизма. Тогда это была маленькая контора, всего шестнадцать адвокатов, но офис располагался в очень удобном для меня месте — в нескольких милях от дома матери. Пятью годами раньше от сердечного приступа скончался отец, и я хотел быть поближе к маме, чтобы приглядывать за ней. И родственники моей жены Кейт жили недалеко, в трех часах езды, так что она тоже очень обрадовалась, когда я устроился именно в эту фирму.

Первый рабочий день в «Мэйтерс, Уильямс и Херст» я провел на совещаниях. Эти совещания проходят до сих пор: совещания с клиентами, совещания с партнерами, совещания с адвокатами противной стороны, совещания с секретарями, совещания с ассистентами, совещания во время обеда, совещания по телефону. Мечты о том, как мое красноречие повергает зал суда в немой восторг, постепенно тускнели, а мой стол заваливали все новые и новые дела о банкротстве. Поначалу я не возражал. Я рассматривал эти дела как возможность помочь владельцам небольших предприятий и фирм погасить долги и искренне радовался, когда внушительная сумма их задолженности превращалась в ноль. Но с годами моя неформальная специализация внутри фирмы — «адвокат, помогающий в делах о банкротстве» — изменилась: я стал «специалистом по банкротству». Затем я окончательно осознал, что моей мечте покорять мир скандальными победами не суждено сбыться (те немногие дела о банкротстве, которые доходят до зала суда, неизменно сводятся к скучной констатации фактов, а отнюдь не являются столкновением интеллектов, как мне представлялось). Справившись с разочарованием, я с еще большим усердием зарылся в папки с делами о все тех же банкротствах — теперь уже с целью произвести впечатление на коллег. Упрочив свое положение в компании, я сконцентрировался на задаче, стоящей перед всеми молодыми юристами: за семь лет стать полноправным партнером фирмы.

Мой жизненный опыт показывает, что если я, поставив перед собой цель, неуклонно работаю над ее достижением, то рано или поздно у меня все получается. И в случае с женой это правило сработало.

Я встретился с Кейт Эббот на последнем курсе университета и с первого же взгляда влюбился. Она поселилась по соседству с домом, который я снимал на время учебы с пятью другими студентами. За книги и обучение платили мои родители — при условии, что средства на все остальное (еду, одежду, аренду жилья и старенький автомобиль) я буду зарабатывать сам. Питался я в те дни в основном макаронами, супами из пакетиков и только изредка позволял себе роскошь съесть в соседней закуской котлету. Из одежды в моем

распоряжении имелись. один костюм, который родители подарили мне в честь окончания школы, три пары джинсов, несколько дешевых свитеров, две рубашки, пара ботинок со стоптанными задниками и полуразвалившиеся кроссовки. Я бы стыдился своего гардероба, если бы у всех моих соседей дела не обстояли точно так же.

Так вот, Кейт я впервые увидел, когда она выгружала из фургона коробки и старую мебель. Я тут же решил, что познакомлюсь с ней, а познакомившись, решил, что она станет моей женой. Ее иссиня-черные волосы и прелестные черты лица сразили меня наповал. Когда она смеялась, мне слышался нежный перезвон колокольчиков. И неделю спустя после окончания мною университета мы поженились.

Как большинство выпускников, я был беден и обременен долгами. Пока я искал работу, Кейт продолжала работать в отделе маркетинга небольшой местной больницы. Ее скромной зарплаты хватало только на то, чтобы оплачивать аренду крошечной квартирки и иногда заливать бензин в наш выдавший виды «плимут-чэмп». Мы оба понимали, что в ближайшие несколько лет нам придется несладко, но как только моя карьера начнет набирать силу, наша финансовая ситуация изменится.

Так и вышло: я не проработал в конторе «Мэйтерс, Уильямс и Херст» и полугодом, а с деньгами у нас стало заметно лучше. Кейт предложила, чтобы мы начали откладывать средства на будущее. Я не согласился: мое положение обязывало время от времени приглашать в гости коллег, а в нашем тесном жилище, обставленном мебелью с благотворительных распродаж, это было бы невозможно. Тут уж ничего не поделаешь: хочешь быть успешным юристом — выгляди таковым, и мне казалось, что мой дом также должен производить соответствующее впечатление.

Мы купили большой кирпичный коттедж в уважаемом районе и обставили его новой мебелью. Мой студенческий гардероб быстро сменился свеженакрахмаленными рубашками-поло, дорогими костюмами и кожаными ботинками. Старенький «плимут-чэмп» я счел недостойным нового статуса Кейт, продал его за пятьсот долларов и купил ей подержанный «вольво». Кейт называла «вольво» безликим, но тем не менее он занял место в нашем гараже на две машины рядом с моим новым «БМВ».

Оба автомобиля, дом и мебель приобретались в кредит. А Кейт выросла в семье, где в долг никогда и ничего не покупали. У ее родителей даже не было кредитной карточки. И как ни старалась Кейт, она не могла понять, зачем нам нужны новейший проигрыватель компакт-дисков, магнитофонная дека, усилители и предварительные усилители, мощные динамики, высококачественный видеоманитфон или двадцатисемидюймовый телевизор. Но я всегда настаивал на своем. Аппаратура была самая дорогая из той, что мы могли себе позволить, и я оправдывал покупки, говоря: «Денег у нас достаточно, детей мы еще не завели, так давай побалуем себя, пока есть такая возможность». А когда Кейт жаловалась на то, что дом слишком велик, я напоминал ей, что с появлением детей лишнего места не останется.

Незадолго до пятой годовщины нашей свадьбы Кейт забеременела. Я-то надеялся, что мы подождем еще хотя бы пару лет, прежде чем заведем ребенка. Однако уже через несколько месяцев мною завладела идея необходимости переезда поближе к хорошим школам.

— Роберт, школьные проблемы не будут нас волновать еще несколько лет, — возражала Кейт.

— С рождением ребенка у нас станет вдвое больше вещей, а значит, переезжать будет в

два раза сложнее, — сказал я. — Сейчас самое время.

Мы выставили наш дом на продажу и приступили к поискам нового жилья. Некоторые из моих друзей-адвокатов жили в Адамс-хиллс — довольно старом районе, похваляющемся еще более старыми деньгами. Его называли в честь Томаса Адамса, одного из первых тамошних жителей, который якобы был родственником президента Джона Куинси Адамса, чего, впрочем, никто никогда не проверял.

С начала века в Адамс-хиллсе селятся люди с достатком и властью. Улицы там прячутся в тени красных кленов и гигантских дубов, возраст которых превышает возраст самых старых жителей округа. За газонами неустанно следят, кусты подстригают, дорожки подметают. Ухоженные дома построены из кирпича, камня или дерева, здесь не найдешь ни одной виниловой панели. Скрытые дубами огромные викторианские поместья, окруженные по всему периметру верандами и портиками, чередуются с кирпичными зданиями в колониальном стиле с высоченными колоннами вдоль фасада. У каждого дома своя история. Рядом с некоторыми даже стоят таблички, сообщающие год постройки здания и иную информацию, достойную того, чтобы поделиться ею со счастливицами, удостоившимися чести приблизиться к входной двери. Купить дом в Адамс-хиллсе практически невозможно: недвижимость здесь не продают, а передают по наследству.

И поэтому когда наш агент увидел в свежем бюллетене объявление о продаже дома в Адамс-хиллсе, то сначала не поверил своим глазам, а потом рванулся к телефону звонить нам. У меня от известия вспотели ладони. Даже Кейт не удержалась от восхищенной улыбки, когда нам впервые показывали наше будущее жилище. Фасад был выполнен из серого камня и желтоватого дерева, весь дом опоясывала прекрасная двухъярусная веранда. Это было большое здание, что, естественно, означало большой ипотечный кредит, но мне хотелось, чтобы Кейт имела свободу и пространство, создавая идеальный дом для нашей растущей семьи. Дом, который каждое Рождество, так же как дом моей матери, озарялся бы огнями гирлянд и благоухал елкой.

В целом мою работу в фирме можно было считать успешной, но все же время от времени я жалел, что не открыл собственную компанию, как сделали многие из моих бывших сокурсников. Они наняли по два-три помощника и вывесили на дверях или на воротах таблички с золотыми надписями: «Джеральд Гриншо и партнеры», «Юридическое бюро Кертиса Говарда», «Адвокатская контора Томаса Микельсона». Тогда вместо того, чтобы по восемьдесят часов в неделю корпеть над бумагами ради кого-то, я бы работал на себя — на фирму «Роберт Лэйтон и К°» например. Однако менять что-либо было уже поздно, наш кредит на покупку дома только укрепил существовавшее положение дел. Да, я потерял свободу, нанявшись в крупную компанию, зато взамен получил уверенность в завтрашнем дне.

На седьмом году службы я стал партнером «Мэйтерс, Уильямс и Херст». Произошло это так: меня пригласили в конференц-зал, где за длинным столом вишневого дерева в кожаных креслах восседали владельцы фирмы. Они объявили о своем решении, похлопали меня по спине, поздравляя с новым статусом, пообещали как-нибудь собраться вместе с женами и разошлись по своим кабинетам заниматься текущими делами. Я остался один, думая о том, что долгожданное событие обернулось двумя минутами формальностей. Вернувшись в свой офис, я захлопнул дверь и углубился в очередное дело о банкротстве.

Остаток дня я был так занят, что совершенно забыл позвонить Кейт и сообщить ей

новость. К тому моменту, когда я подъехал к дому, свет в окнах уже погас. Должно быть, Кейт, пребывая на седьмом месяце второй беременности, утомилась за день, проведенный в заботах о двухлетней Ханне, и легла, не дождавшись меня. Вторую беременность, как и первую, мы не планировали. Честно говоря, я бы предпочел подождать еще несколько лет. На детей у меня совершенно не хватало времени, и я боялся, что не смогу стать хорошим отцом для малыша номер два... если только за счет общения с Ханной, которая и так почти не видела меня.

Ну, а Кейт, разумеется, пришла в восторг. Рождение первой дочери сделало ее такой счастливой, какой она давно не была, и я не сомневался, что второй ребенок станет для нее таким же источником радости. Кейт обожала быть матерью. Я с готовностью признавал, что роль мамы давалась ей гораздо легче, чем мне — роль отца. Например, мне приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы разобрать лепет Ханны, тогда как Кейт не запинаясь вела с нею долгие разговоры.

Я открыл дверь в комнату Ханны. Меня встретил огонек ночника. Подойдя на цыпочках к кровати спящей дочери, я всмотрелся в ее лицо. Она была удивительно похожа на Кейт, когда спала, но стоило ей открыть глаза, как сразу становилось очевидным ее сходство со мной. Моя мать говорила, что в глазах Ханны горит тот же огонек, что горел и в моих, когда я был ребенком. Я поцеловал дочку в макушку, подобрал с пола ее любимого одноглазого зайчика и положил его на подушку, потом направился в нашу с Кейт спальню. Заглянув в дверь, я увидел, что Кейт тоже спит, тихонько похрапывая. Беременность и усталость свалили ее с ног, но все же, подумалось мне, раньше Кейт всегда дожидалась меня с работы.

Мне ничего не оставалось как спуститься на первый этаж и поискать на кухне чего-нибудь съестного. В холодильнике нашлась котлета и немного макарон с сыром. Поставив тарелку в микроволновку, я задумался, наступят ли времена, когда я смогу питаться, как нормальный взрослый мужчина. Не для того я работал днями и ночами, чтобы снова есть макароны, как в студенческие годы. В микроволновке что-то заскворчало и забулькало. Я выключил ее, поставил тарелку на стол остывать и налил себе молока. Большой свет в кухне я не стал включать, горела только подсветка над плитой, и так, в полумраке, я поднял стакан с молоком и произнес в свою честь тост: «За партнера Лэйтона». Часы пробили десять, и я приступил к своему одинокому ужину, состоявшему из того, что не доела в тот день моя дочь.

Однажды, незадолго до Рождества, я подъехал к дому и обнаружил, что свет уже везде погашен, только окна гостиной озарял работающий телевизор. Ханна, которой стукнуло восемь, и ее шестилетняя сестренка Лили, наверное, давно спали. В третий раз за неделю я приходил домой почти ночью: перед рождественскими праздниками у нас в фирме всегда было много дел. Все работали по восемьдесят четыре часа в неделю, и я не мог делать для себя исключение. Кроме того, сегодня утром Гвен расплакалась прямо у меня в кабинете. Бесконечная работа «измотала ее» и «совершенно не давала жить». Она пригрозила уходом, как делала уже восемь раз, обычно именно перед Рождеством, и я отпустил ее, зная, что утром она будет на месте, спокойная и довольная тем, что сумела наконец пройтись по магазинам.

Я поставил «мерседес» в гараж, бросил тяжелый портфель на диван в столовой и прошел в гостиную, ожидая найти перед телевизором спящую Кейт. Но она не спала.

— Девочки заснули? — спросил я, проглядывая стопку счетов.

— Угу.

— Как прошел день? — без особого интереса произнес я.

— Нормально. А ты как?

— Устал. Как всегда. Сегодня отпустил Гвен домой. У нее опять был «рождественский срыв», — сказал я и пошел на кухню, чтобы поискать в холодильнике остатки ужина.

Кейт проследовала за мной и долго молчала, глядя на меня. Наконец ровным голосом она проговорила:

— Я устала, Роберт.

— Иди ложись. Не надо было дожидаться меня, — равнодушно ответил я, проверяя содержимое контейнеров и мисок.

— Нет, Роберт. Я устала от того, что происходит с нами.

Я как стоял, засунув голову в холодильник, так и застыл. В глубине души я осознавал, что в сущности наш брак распался уже давно, но не думал, что один из нас когда-либо наберется смелости и произнесет это вслух. Хотя вполне логично, что первой заговорила Кейт. Она всегда была сильнее меня. В прошлом году она обвинила меня в том, что я завел другую женщину. Конечно, никакой другой женщины у меня не было, и я ни разу не изменял жене, но Кейт мне не поверила. Правду сказать, у меня не оставалось времени и сил даже на жену, что уж говорить о любовнице. Раньше, засиживаясь на работе допоздна, я говорил себе, что делаю это ради семьи, ради того, чтобы обеспечить жене и детям все необходимое, чтобы оплатить учебу девочек в лучших учебных заведениях, чтобы у них была надежная крыша над головой. Но с тех пор я стал отдавать себе отчет в том, что сидел в офисе весь вечер только потому, что не знал, чем еще заняться, и потому, что не хотел идти домой, не хотел сталкиваться лицом к лицу с горьким фактом: я — чужак в собственной семье.

Выудив из холодильника блюдо с рисовой запеканкой, я поставил его на стол и достал из буфета тарелку. Все это я делал молча, не находя слов, чтобы выразить охватившие меня чувства.

— Прости, Роберт, но я больше так не могу, — продолжила Кейт. — Я устала притворяться, что у нас все в порядке. У нас совсем не все в порядке, и уже довольно давно. Мы живем с тобой под одной крышей, но это вовсе не означает, что мы действительно живем вместе. Мне хочется большего, чем простое соседство по дому.

Невидящим взглядом я уставился на запеканку. «Ей хочется большего, — повторил я про себя. — Ну, а я не могу дать большего. Я и так уже отдал все, — доказывал я себе. — Работать больше, чем я, просто невозможно. Я, во всяком случае, не могу». Но вслух ничего этого я не сказал.

— Признай, ты бросил нас уже давным-давно. Мы проведем вместе рождественские каникулы, и все, — закончила Кейт почти без эмоций. Мне показалось, что ей это объяснение далось без особых усилий, как будто она заранее отрепетировала всю сцену несколько раз. — Я не хочу портить Рождество своим родителям или твоей матери. Да и девочки очень расстроятся, если мы разойдемся прямо сейчас. Но сразу после праздников тебе придется подыскать себе другое жилье.

Вот оно. Сказано. Она постояла секунду на тот случай, если я захочу что-нибудь ответить, но, как и следовало ожидать, я промолчал, и она неслышно поднялась по лестнице и закрыла за собой дверь спальни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Декабрь 1985 года

Чем больше я думаю над этим, тем сильнее убеждаюсь в том, что нет более высокого искусства, чем искусство любить людей.

Винсент Ван Гог

Дорис Паттерсон обожала украшать свой класс к Рождеству. Вместе со своими оживленными, улыбающимися учениками она вырезала из яркой цветной бумаги снежинки и елки, снеговиков и Санта-Клаусов, а потом обклеивала их блестками, ватой и ленточками. Из дома она принесла полутораметровую искусственную елку, и ребята увлеченно развешивали на пушистых ветках бусы из воздушной кукурузы и клюквы, пряничных человечков и конфеты. Подготавливая комнату к празднику, дети переговаривались все громче, и постепенно класс наполнился радостным гомоном.

Перед Рождеством Дорис всегда давала своим ученикам одно и то же задание: составить список подарков, которые они хотели бы получить от Санта-Клауса. Но в этом году она нарушила многолетнюю традицию. Она догадывалась, о чем мечтает Натан. Конечно, он бы отдал все свои игрушки, отказался бы от всех подарков, лишь бы его мама выздоровела. Дорис не хотелось заставлять его читать об этом вслух перед всем классом, поэтому она попросила второклассников вспомнить забавные случаи, которые приключались с ними на Рождество, и написать об этом небольшой рассказ. Она надеялась, что такое задание поможет Натану мысленно вернуться к счастливым дням, которые он провел с мамой, и отвлечься от своей беды.

Когда отец Натана рассказал, насколько серьезна болезнь его жены, Дорис предложила подвозить мальчика из школы домой: школьный автобус затрачивает на эту дорогу почти час, тогда как на машине они с Натаном могут доехать до его дома за пятнадцать минут.

— Я не могу согласиться на это, миссис Паттерсон, — горячо отказывался Джек.

Но Дорис настояла на своем. Она помнила, как готова была отдать все, лишь бы побыть с матерью еще несколько минуток. Другие учителя поговаривали, что Дорис совсем не обязательно так утруждать себя, но она с удовольствием делала ежедневный крюк в пять миль, зная, что тем самым дарит мальчику лишних полчаса общения с матерью.

Их совместные поездки чаще всего проходили в молчании. Дорис не заводила разговор, хотя ей хотелось бы узнать, о чем думал Натан. Возможно, его мысли вовсе не были грустными, ведь он мог мечтать о мамином волшебном исцелении. У самой Дорис были такие мечты — о том, что Бог просто прикоснется к ее матери и прогонит злую жадную болезнь. Она часто мечтала об этом, несмотря на то что знала: времена чудес прошли и от смертельных болезней спасения нет. И сидя за рулем автомобиля, Дорис безмолвно молилась за своего маленького пассажира. Молилась о покое... о надежде... об утешении.

У своего дома Натан выскочил из машины и побежал к двери. Во дворе кто-то начал лепить снеговика, но так и не закончил, оставив у забора одинокий ком снега с пластиковой бутылкой вместо носа и сосновыми шишками вместо глаз. И дорожку к дому, и веранду давно не разметали, к двери вела протоптанная в снегу тропинка. Сегодня Натан с мамой собирались печь печенье в форме маленьких Санта-Клаусов, чтобы угостить родных и

соседей. Каждый год перед Рождеством они часами занимались украшением печенья: покрывали каждую фигурку разноцветной глазурью и шариками из сахара, а потом заворачивали их в подарочную бумагу.

Натан вбежал в дом и увидел, что бабушка Эвелин на кухне подготавливает масло и яйца для теста, а мама лежит на больничной кровати, опираясь на подушки, и улыбается.

— Я успел? Вы еще не начали? — крикнул он.

— Конечно нет, — засмеялась Мэгги. — Мы ждем тебя.

— Ну, тогда пойдем скорее, — попросил Натан и потянул рукав халата Мэгги.

— Сейчас мне надо присмотреть за Рэйчел, — указала она на детский манежик. — Вы с бабушкой начинайте, а я присоединюсь через минутку.

Со слезами на глазах Мэгги смотрела вслед Натану, помчавшемуся на кухню. И она, и ее мать знали, что ни через минутку, ни через час она к ним не присоединится — у нее нет на это сил.

Эвелин поселилась у них в прошлый четверг — в тот же день, когда в доме появилась медсестра Сильвия и когда из больницы доставили специальную кровать для тяжелобольных. До этого Эвелин приходила каждый день, но Джек попросил ее пожить у них, потому что Мэгги больше не могла заботиться о малышке Рэйчел.

Эвелин, мать Мэгги, была энергичной вдовой шестидесяти лет. Кончину мужа четыре года назад она перенесла гораздо легче, чем известие о надвигающейся смерти младшей дочери. Так не должно быть. Родители умирают раньше, чем дети. Таков логический ход жизни. Иногда, когда Эвелин оставалась одна, в душе или в машине, она рыдала — рыдала навзрыд — о внуках, о Джеке, о красавице дочери. Она плакала от боли, которая с каждым днем становилась все острее.

Мэгги прислушивалась к тому, как ее мать разбивает о край миски яйца, как замешивает жидкое тесто, как радостно смеется Натан. Мэгги нравилось слышать смех сына. В последние месяцы он стал таким тихим, хотя взрослые пока не открыли ему страшной правды. Эвелин обернулась через плечо и подмигнула дочери, потом легонько мазнула нос Натана ложкой, оставив липкий белый след, что вызвало у мальчика новый приступ смеха, потрясший всю его фигурку с головы до пят. Рэйчел вытянулась в своем манеже, чтобы разглядеть, что происходит, и тоже залилась смехом. Мэгги с трудом приподнялась повыше и стала наблюдать за тем, как Эвелин и Натан вырезают из теста фигурки Санта-Клаусов. Из кухни до нее доносились запахи ее последнего Рождества, она последний раз видела улыбки сына, последний раз слышала повизгивания дочки. Мэгги не стремилась лучше запечатлеть все это в памяти, скорее, ей хотелось как можно полнее ощутить все, что происходило с ней здесь и сейчас. Ей хотелось любить всей душой.

Мэгги встретила Джека Эндрюса, когда ей было двадцать три года. Новый «форд-эскорт», ее радость и гордость, стал издавать при торможении странные звуки, и она поехала показать его в автомастерскую «СитиАвтоСервис». Одна из девушек, с которыми Мэгги работала в хлебном отделе универсама «Фергюсон», посоветовала обратиться именно туда. В мастерской навстречу Мэгги вышел молодой человек, вытирая полотенцем измазанные руки. Его ярко-голубые глаза тут же запали ей в душу. На его зеленом

комбинезоне было вышито имя «Джек». Хорошее, надежное имя.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он и улыбнулся самой искренней улыбкой, которую когда-либо видела Мэгги.

Вообще-то Джек редко обращал внимание на тех, кто оставлял в мастерской машины на ремонт. Но когда стройная Мэгги выскользнула из «форда», аккуратно заправила темные волосы за уши и улыбнулась, он немедленно проникся к ней куда большим интересом, чем к ее автомобилю.

— Кажется, тормоза не в порядке, — сказала она.

— Согласна, — произнесла она шесть месяцами позже.

Когда родился Натан, Мэгги стала работать на полставки. Ни она, ни Джек не хотели отдавать сына в ясли, на попечение посторонних людей. Более того, они договорились, что если им не удастся составить рабочий график так, чтобы один из них всегда был дома с Натаном, то Мэгги вообще бросит работу. Это означало, что им придется жить на одну зарплату, то есть большой дом в Адамс-хиллс и новая мебель навсегда станут для них недоступной роскошью. Однако оба они готовы были пойти на такую жертву ради того, чтобы их ребенок рос и воспитывался дома.

Натану исполнилось два годика, когда Мэгги и Джек переехали в маленький, отделанный алюминиевыми панелями, с плоской крышей дом в тихом районе. Дому требовался ремонт: над будущей спальней Натана протекала крыша, на кухне под раковиной прогнил пол, фундамент повредили термиты, необходимо было заменить ковровое покрытие во всем доме и почти всю сантехнику. Многие молодые пары пали бы духом, приобретая дом в столь плачевном состоянии, но Джек был мастером на все руки, а Мэгги с радостью помогала ему. Снимать старый ковролин она умела не хуже любого мужчины и готова была часами лежать на полу под раковиной, держа фонарик, пока Джек менял ржавые трубы на новые. Ей нравилось наблюдать, как работает Джек, и во время ремонта они провели вместе много незабываемых дней. Другие молодожены порой не знали, о чем говорить друг с другом, тогда как у Джека с Мэгги не возникало такой проблемы. Бывало, друзья Джека звали его после работы в бар, а он отказывался и шел домой. Они подшучивали над ним, говорили, что он стал подкаблучником, но даже если так оно и было, Джек не возражал. Больше всего на свете ему нравилось проводить время вместе с Мэгги. Он любил возвращаться вечерами домой и узнавать, что нового сделала Мэгги в доме, который постепенно превратился из самого ветхого здания в квартале в самое нарядное.

Два больших вяза росли перед фасадом, на заднем дворе высились дуб и клен. Мэгги эти деревья казались самыми красивыми на свете. Она всегда мечтала жить в доме, окруженном старыми, ветвистыми деревьями, и теперь ее мечта осуществилась. Понемногу она стала вскапывать землю вокруг каждого ствола и подготавливать почву для будущего «кольца тюльпанов и нарциссов», как она это называла. Потом Мэгги обсадила крошечное крылечко и подъездную дорожку вьющимися флоксами, возле кустов разместила островки с гвоздикой, рядом с ними нашел место лилейник, вокруг дома со временем появились клумбы с хризантемами и шалфеем, а остальное пространство заполнили анютины глазки, добавив к многоцветью садика вспышки фиолетового, бордового и желтого. Каждый вечер, когда Джек приходил после работы домой, Мэгги вела сына и мужа во двор, рассказывая, какой цветок она посадила в тот день, когда он должен вырасти и в каком месяце он расцветет.

Когда Мэгги обнаружила, что беременна во второй раз, глаза Джека наполнились

слезами. В моменты, подобные этому, Мэгги переполняла любовь к мужу. Она была безгранично благодарна Богу за то, что Он послал ей Джека. Натан тогда уже ходил в детский сад, и Мэгги вернулась на полставки в универсам «Фергюсон», но с рождением второго ребенка готова была оставить работу. Они знали, что денег снова будет не хватать, но были уверены, что справятся. Джек получал в автомастерской небольшие, но честно заработанные деньги. Поскольку в «СитиАвтоСервис» на тот момент он уже проработал пять лет, вскоре ему предстояло очередное повышение зарплаты, и эта прибавка была молодой семье Эндрюсов весьма кстати.

Владельцами автосервиса, где работал Джек, были три брата — Карл, Майк и Тед Шейверы. Сначала они назвали мастерскую «Три брата», но потом решили, что такое название ассоциируется с мафией, и сменили его на более респектабельное и в то же время нейтральное «СитиАвто». Их предприятие было небольшим, всего два наемных работника на полной ставке: Джек в гараже и Дженни в офисе, — и по субботам, когда бывал наплыв клиентов, приходил помочь еще один парень. Майк занимался административными вопросами (он всегда уверял, что не смог бы и зарядить аккумулятор, даже если бы от этого зависела его жизнь), а Карл и Тед работали с Джеком в гараже. Шейверы были порядочными и знающими людьми, и за то время, что Джек проработал у них, он научился большему, чем в школе и училище вместе взятых. Также братья оплачивали своим работникам страховку и на каждое Рождество дарили по индейке и по пятьдесят долларов.

Бывало, ночами Джек не мог уснуть и ворочался в кровати, мучимый мыслями о постоянной нехватке денег. В таких случаях Мэгги успокаивала его словами: «Есть большая разница между тем, что нужно, и тем, что хочется. Так вот: все, что нужно, у нас есть». Когда Джек расстраивался, что его жена не может позволить себе одеваться в универмагах, а вынуждена подыскивать одежду на распродажах и в комиссионных магазинах, Мэгги брала его лицо в ладони и говорила: «Это все неважно, Джек. Мы здоровы. Мы счастливы. А все остальное — лишь приятные, но не самые необходимые мелочи». И Джеку этого бывало достаточно. Мэгги умела прикоснуться к его душе как никто другой.

Несколько лет назад он решил для себя, что скорее всего проведет жизнь холостяком. Теперь, вспоминая о тех днях, он снова и снова благодарил Бога за то, что Он направил Мэгги в «СитиАвтоСервис».

Во время второй беременности Мэгги часто испытывала неприятные ощущения в области живота. Съев даже немного, она чувствовала себя объевшейся. Хотя первая беременность протекала совсем иначе (у нее был зверский аппетит), Мэгги объясняла эти симптомы своим положением и надеялась, что после родов они исчезнут сами собой. Родилась Рэйчел, однако Мэгги по-прежнему чувствовала себя плохо и наконец упомянула о своей проблеме в беседе с врачом-педиатром. Врач согласился с Мэгги, что, вероятнее всего, это последствия беременности, но все же посоветовал обратиться к специалисту. Мэгги послушалась и записалась на прием к гинекологу, который провел ряд анализов и попросил прийти повторно через две недели, когда будут готовы результаты.

Мэгги пришла на прием, держа на руках Рэйчел, которой к тому времени уже пошел шестой месяц.

— К сожалению, сегодня доктор ведет прием с опозданием — все утро он принимал тяжелые роды, — сказала медсестра в регистратуре. — Присядьте, пожалуйста.

Мэгги уселась, а ее место у окошка регистратуры заняла женщина в хорошо скроенном

темно-синем костюме и с дорогим кожаным портфелем в руках.

— Могу я пройти к доктору Найландеру? — обратилась она к медсестре.

— Сейчас он занят, — пробурчала та, не отрывая глаз от монитора компьютера.

— Тогда я подожду здесь, — произнесла женщина и оглянулась на толпу ожидающих своей очереди пациенток.

— Ждать придется долго, — предупредила медсестра.

— Ничего страшного, — сказала женщина в костюме, отыскивала взглядом свободный стул, как раз рядом с Мэгги, села и положила портфель на колени. При виде новой соседки Рэйчел издала громкий булькающий звук и улыбнулась.

Из окошка регистратуры донеслось громкое «Мэгги Эндрюс!».

— Как быстро! — воскликнула обрадованная Мэгги, подходя к регистратуре.

— Миссис Эндрюс, — повторила медсестра. — Ваша страховка покрывает только часть проведенных анализов, это значит, что остальное придется оплачивать вам, — сказала она и протянула в окошко распечатку.

— Я должна заплатить всю сумму сегодня? — поинтересовалась Мэгги, перекладывая Рэйчел из одной руки в другую, чтобы взять счет.

— Все услуги оплачиваются в день их предоставления, — ответила медсестра, одновременно барабанила по клавиатуре.

Мэгги пробежала счет глазами и робко спросила:

— А нельзя ли распределить платеж на несколько месяцев?

— Все услуги оплачиваются в день их предоставления, — громко повторила девушка, и ее слова услышали все присутствующие в приемной.

— Я понимаю, — прошептала Мэгги, — но мне было бы удобнее оплачивать счет частями.

— Ладно, я узнаю, что можно сделать, — раздраженно рявкнула медсестра и со стуком закрыла окошко.

Смущенная Мэгги вернулась на свое место и стала качать расхныкавшуюся дочку.

— Должно быть, ее взяли на это место за приветливость, — с улыбкой обратилась к ней женщина в костюме. — Я работаю здесь и очень хотела бы сказать, что просто у девушки сегодня плохое настроение, однако я еще ни разу не видела, чтобы она улыбалась.

Мэгги рассмеялась и почувствовала себя легче.

— А чем вы занимаетесь? — спросила она.

— Я внештатный сотрудник отдела маркетинга. В мои обязанности входит составление ежегодных отчетов о деятельности больницы. Для этого я опрашиваю врачей, анализирую новое медицинское оборудование, слежу за соблюдением процедур и так далее... Меня зовут Кейт, — сказала она, протягивая руку.

— Мэгги Эндрюс.

Рэйчел икнула и завопилась на коленях матери.

— Какая красавица, — протянула Кейт, восхищенная огромными сияющими глазами малышки.

— Когда не плачет, — со смехом добавила Мэгги.

— Как ее зовут? — спросила Кейт.

— Рэйчел.

— Надо же! Я тоже хотела назвать старшую дочку Рэйчел, — воскликнула Кейт. — Мы выбирали между именами Ханна и Рэйчел, и в тот день, когда она родилась, я взглянула на

нее и поняла, что она больше похожа на Ханну.

— А мне всегда нравилось имя Рэйчел, — ответила Мэгги, с улыбкой глядя на дочку. — Но ей до него надо еще дорасти, это взрослое имя.

— И мне всегда так казалось! — снова согласилась Кейт. — Сколько ей?

— Пять с половиной месяцев, — с гордостью сказала Мэгги. — И еще у нас мальчик, второклассник. А у вас кто, кроме дочери?

— Еще одна дочка, — улыбнулась Кейт. — В этом году пошла в садик. Я думала, что не перенесу разлуки с ней, — со смехом добавила она.

— Когда я в первый раз посадила Натана на школьный автобус, то проплакала все утро, — поделилась Мэгги. — Поэтому младшую дочь повсюду беру с собой. — В этот момент Рэйчел, утомленная долгим сидением и уже некоторое время неуверенно хныкавшая, зашлась громким ревом. — Простите, — извинилась Мэгги. — У нее расстроен животик.

— Я понимаю, — успокоила ее Кейт. — У обеих моих дочек были колики.

— А вы не думали о третьем ребенке? — спросила Мэгги, похлопывая Рэйчел по спине.

— О, я бы с удовольствием родила еще одного, но не думаю, что мужу эта идея пришла бы по душе.

Мэгги нравилась эта стильная, хорошо одетая женщина — Кейт не была эгоцентричной, что, по мнению Мэгги, свойственно большинству богатых людей.

— Кто ваш муж по профессии? — спросила она, стараясь успокоить малютку.

— Юрист, — ответила Кейт с какой-то странной печалью в голосе.

Внезапно Мэгги стало жаль красивую собеседницу.

— А ваш что делает? — в свою очередь задала вопрос Кейт.

— Он механик.

— Мэгги Эндрюс! — выкрикнула медсестра, появившаяся в дверях кабинета врача.

— Ох, опять меня, — забеспокоилась Мэгги. Рэйчел все еще плакала.

— Я могу присмотреть за ней, если хотите, — предложила Кейт с улыбкой. — Все равно доктор не сможет уделить мне время до тех пор, пока не примет всех пациентов.

Мэгги никогда не оставляла своих детей незнакомым людям, какими бы добрыми они ни казались. Неуверенно поглядывая в сторону кабинета, она промямлила:

— Что вы, я не могу вас так обременять... — и сделала несколько шагов по направлению к ожидающей ее медсестре.

— Мы здесь все знаем Кейт, — сказала медсестра, — она работает с нами уже много лет. Если вы не против, Мэгги, мы оставим Рэйчел и Кейт в офисе доктора Найландера, пока он беседует с вами. Так вам будем немного проще. Но слово за вами.

— А доктор Найландер не будет возражать? — спросила Мэгги.

— Ничуть. И после приема ему все равно надо встречаться с Кейт в офисе.

Уверенность медсестры передалась Мэгги, она поверила, что с Кейт ее дочь будет в полной безопасности.

— Огромное вам спасибо, — сказала она и вручила малышку Кейт.

— Не за что. — Кейт склонилась к плачущей Рэйчел и проворковала: — Как же давно я не держала на руках такую малышку!

С Рэйчел на руках Кейт прошла в офис доктора. Ей нравилась ее работа. Оплата была довольно высокой, а свободный график позволял отвозить в школу и садик девочек, справляться с делами и забирать Ханну и Лили домой. Кейт было интересно встречаться с врачами, обсуждать новинки медицинской техники и современные технологии с экспертами

со всего мира; потом по результатам этих встреч она составляла отчеты, делала рекомендации. Коллеги считали ее настоящим профессионалом, с людьми она умела и любила общаться, и поэтому неудивительно, что больница год за годом продлевала ее контракт.

Оставшись одна, Кейт принялась ходить по небольшому кабинету взад и вперед, покачивая Рэйчел, похлопывая ее по спине, — до тех пор, пока девочка не срыгнула. Когда Мэгги вышла из кабинета врача, Рэйчел уже спала.

Мэгги слабым голосом поблагодарила новую подругу.

— О, я с удовольствием побыла с Рэйчел, — возразила Кейт. — У вас все в порядке?

— Еще раз большое спасибо, — еле выдавила Мэгги и закинула на плечо сумку с детскими вещами.

— Пока, малышка, — прошептала Кейт, сжимая крошечную ручку Рэйчел.

Мэгги уткнулась лицом в теплое тельце дочки, поцеловала мягкий животик и быстрыми шагами вышла из офиса. Кейт вслед ей предложила выпить вместе кофе, но Мэгги притворилась, что не услышала этих слов.

Посещение врача потрясло ее, перевернуло весь ее мир. Не успела она войти в кабинет, как доктор Найландер сообщил ей результаты анализов: у нее был рак яичников.

— Вы не знаете, у вашей бабушки не было этого заболевания? — спросил доктор.

— Нет. То есть не знаю.

— А другие ваши родственники — тетя, сестра, еще кто-нибудь?

— Нет. Ни у кого такого не было.

Доктор намеревался немедленно приступить к радикальным методам лечения. Болезнь была запущена, и он опасался, что процесс зашел слишком далеко. Он позвонил по телефону и договорился с хирургом об экстренной операции. По словам доктора Найландера, Мэгги требовалась полная абдоминальная гистерэктомия и еще две операции, которые позволят узнать, как сильно распространились раковые клетки.

Дома Мэгги рассказала обо всем Джеку. С Рэйчел на руках он несколько минут молчал — не двигаясь, лишь прислушиваясь к тихому дыханию дочери, вдыхая ее молочный запах. Потом он прижал ее к груди. Рэйчел как две капли воды похожа на мать. Такая же красавица. Сердце Джека тревожно билось. Неужели эта болезнь отберет у него Мэгги? Неужели он потеряет ее?

— Что именно сказал врач?

— Операция назначена на понедельник.

Джек снова ощутил биение сердца.

— И сразу после этого начнут курс химиотерапии.

— А какие прогнозы? Они что-нибудь сказали?

— Нет.

— А говорили, какие обычно шансы у таких пациенток?

— Нет.

Джек догадывался, что раз врачи ничего не сказали, то, значит, прогноз неблагоприятен. Совсем неблагоприятен.

Мэгги открыла глаза и поняла, что на несколько минут забылась, уйдя в воспоминания. Она с трудом села повыше и прислушалась к разговору Натана и матери, трудившихся на кухне над печеньем. Когда Эвелин открыла духовку, чтобы вынуть очередной противень с

Санта-Клаусами, ванильный аромат волной затопил гостиную. Мэгги зажмурилась. Она бы все на свете отдала, лишь бы тоже сейчас стоять на кухне, с ног до головы в муке, и видеть, как радостно сын наблюдает за все новыми и новыми порциями печенья, появляющимися из духовки. Она закрыла лицо руками.

— О Боже, помоги мне, — взмолилась она. — Я не хочу оставлять своих детей. Я не хочу бросать их. — Она могла бы стерпеть страдания, причиняемые ей болезнью, но боль в сердце была непереносима. Но тут к ней подбежал Натан с блюдом свежесдобитых и покрытых разноцветной глазурью Санта-Клаусов и плюхнул его перед ней на одеяло.

— О, да вы только посмотрите на них! Ты стал настоящим кондитером! — восхитилась Мэгги. Она утерла глаза, надеясь, что Натан не заметил ее слез. Мальчик радостно суетился возле кровати, поднимая изголовье в верхнее, удобное для сиденья, положение.

— Пора делать бороду! — крикнул Натан и умчался обратно на кухню за миской с кокосовой стружкой. Потом они вместе посыпали улыбающихся Санта-Клаусов искрящимся кокосом, вдавливали белые крошки в бороды, разговаривали и смеялись.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Декабрь 1985 года

Человек рождается сломанным. Вся жизнь он чинит себя. А Божья милость — это инструмент.

Юджин О'Нил

Моя мать, Эллен Лэйтон, каждый год, сколько я помню, устраивала на Рождество большой праздник. Когда я и мой брат Хью были еще маленькими, праздник начинался утром в субботу. Нас будили запахи бекона и оладий, доносившиеся из кухни, причем оладьи были необычные — в форме снеговиков. Потом всей семьей мы садились в машину и отправлялись на ферму Джона Херли, старинного друга моего отца. Там, во владениях Джона, мы шли в лес — выбирать елку. Понравившееся дерево мой отец, Альберт, рубил топором, позволяя и нам с братом сделать один-два осторожных удара. Даже позднее, уже имея маленькую удобную бензопилу, отец настаивал, чтобы рождественская елка была срублена этим топором — древним орудием, доставшимся ему еще от бабушки, — поскольку такова была традиция. Прибыв домой, мы с отцом принимались устанавливать елку, а мама и Хью доставали с чердака рождественские украшения и елочные игрушки, которые мама собирала годами. Потом мама пела и танцевала с папой, а мы с братом наряжали елку, стараясь не обращать внимания на глупое поведение родителей.

В такие дни мама бывала счастливее, чем когда-либо. Она буквально лучилась радостью, заражая ею и отца: обычно он засыпал в половине седьмого, поскольку вставал на работу в пять утра, но в рождественский вечер не ложился допоздна. Мамин энтузиазм захватывал всю семью, и мы тоже пели и развешивали по дому украшения до тех пор, пока каждая веточка, каждый стеклянный шар из маминых запасов не занимали свое место. Потом мы с Хью выросли, недавно умер папа, но мама по-прежнему отмечала Рождество, теперь вместе со своей соседкой, тоже вдовой. Да, они остались одни, но это не означает, что красота главного зимнего праздника перестала радовать их. С появлением внуков рождественские елки вновь обрели былой размах, за одним лишь исключением: теперь мы не ездили на ферму Херли за елкой, а покупали ее на парковке возле супермаркета. Это сэкономило время, а кроме того, магазинные ели были пышнее, гуще и выше, чем те, что привлекали когда-то из леса отец.

За несколько недель до Рождества мы с Кейт посадили девочек в «мерседес» и отправились в короткий путь к дому моей матери. Она прожила в этом кирпичном доме уже более сорока лет, и каждый год, даже теперь, в возрасте шестидесяти восьми лет, к Рождеству она неизменно украшала фасад. Гирлянды из остролиста и плюща обвивали дверной проем, на двери висел огромный венок из еловых веток, на каждом окне красовались веночки поменьше, но тоже увитые алыми бархатными ленточками. Электрические свечи бросали цветные сполохи на снег возле дома. Гирлянды мигающих фонариков прятались в ветках тисов и можжевельника. Более высокие деревья во дворе служили фоном для композиции из деревянных кукол, изображающей сцену Рождества Христова.

Будучи маленькими мальчиками, мы с Хью всегда помогали маме расставлять фигуры.

Она купила этих самодельных кукол много лет назад, на одной из распродаж. И хотя в ее доме было множество ценных антикварных предметов, она всегда говорила, что дороже всего ей именно этот двадцатидолларовый вертеп. С самого раннего детства мы с братом понимали, что это не простые куклы, но все же каждый год мама заново объясняла нам значение Рождества Христова. «Это самое чудесное событие во всей жизни Христа, мальчики, — говорила она. — Не то, что Он восстал из могилы. Он ведь сын Бога — а уж Бог, конечно, сможет оживить собственного сына. Вам так не кажется? — В этом месте мы с готовностью кивали. — Нет, самым удивительным и непостижимым в жизни Христа является то, что Он захотел оставить красоту небес, чтобы спуститься на Землю и жить здесь среди нас как простой человек. И можно было бы ожидать, что Иисус, как Царь всех Царей, захотел бы родиться во дворце, а вовсе не в грязном сарае. Вот что самое волшебное в жизни Христа! — восклицала мама, придвигая фигуру Иосифа чуть ближе к Марии. — Вот почему Рождество — это особый праздник. В Вифлееме появился малыш Иисус — малыш, которому суждено будет прожить жизнь слуги, а не царя. — Включив установленный за спинами пастухов прожектор, освещающий ясли для кормления скота, где лежал младенец, мама продолжала: — В этом красота и неповторимость Рождества, и вот почему мы будем устанавливать вертеп год за годом — как напоминание. Не правда ли, замечательное напоминание?» — И мы снова принимались кивать.

После кончины моего отца развешивать украшения маме помогал ее сосед, Далтон Грегори. Еще он чистил от снега дорожку и подъезд к дому, хотя мама никогда не просила его об этом, а надо сказать, что зимой 1985 года уборка снега была нелегкой задачей. Далтон и его семья были первыми чернокожими, поселившимися в этом районе. Произошло это двадцатью годами раньше, и, когда на улицу въехали грузовики с мебелью и хозяйственным скарбом, моя мать тут же вышла встретить новых соседей с блюдом сэндвичей. В те годы Далтон преподавал в старших классах историю, а его жена Хедди работала медсестрой. В 1976 году Далтона назначили школьным инспектором всей округи, но, как бы ни был он занят, в тот день, когда нужно было помогать моей маме украшать к Рождеству дом, он обязательно находил время. Мама была старше Далтона на двадцать лет, и тем не менее они стали не просто хорошими соседями, а настоящими друзьями. Когда я вышел из машины, то застал Далтона за развешиванием фонариков теперь уже на его заборе.

— Счастливого Рождества, Далтон! Как всегда, дом украшен превосходно.

— Надеюсь. Твоя мать чуть до смерти не заморозила меня из-за этих гирлянд.

— Почему ты из года в год помогаешь ей, Далтон?

— Потому что в этой жизни я боюсь всего трех людей: свою мать, свою жену и твою мать. А в Рождество порядок обратный!

Мама распахнула входную дверь и крикнула «С Рождеством!» так громко, что, наверное, разбудила пациентов Хедди в реанимации. Ханна и Лили подбежали к бабушке и обхватили ее своими маленькими ручками.

— А вот и мои рождественские малышки! — Мама принялась их целовать и обнимать с такой силой, что вскоре они захихикали и стали вырываться из ее объятий. Пройдя к забору, она шутливо окликнула Далтона: — Ну, а где же твои рождественские малыши?

— Дай моим отпрыскам еще немного времени, — устало покачал головой сосед. — Когда-нибудь и они научатся делать детей, и ты больше не будешь единственной несносной бабушкой в квартале!

— Может, и так, но титул первой бабушки останется за мной!

— Первой и самой громкоголосой, — добавил, смеясь, Далтон.

— А вы с Хедди придете завтра на обед? — спросила мама.

— Я не знал, что мы приглашены.

— Так вот я и приглашаю вас! — сказала мама.

— Тогда приходем, — ответил Далтон и махнул ей в знак того, чтобы она занялась гостями.

Мама повела всех нас в дом, который в эти дни весьма напоминал зимний ботанический сад обилием венков, цветочных композиций и гирлянд из еловою лапника. Когда мы с Кейт вошли в тяжелую дверь вишневого дерева, мама шутливо указала на ветки омелы под притолокой^[2]. Чтобы избежать неловкости, мы с Кейт, не сговариваясь, чмокнули маму в щеку, каждый со своей стороны.

— Да не меня надо целовать, — отмахивалась от нас мама, — а друг друга. — Но мы с Кейт уже снимали пальто, готовясь приступить к рождественским хлопотам. Впрочем, мне пришлось тут же одеваться снова: мама отправляла меня за елкой.

— Съезди в универсам «Фергюсон», это на другом конце города, и елки там подороже, но зато самые пушистые, — инструктировала она меня, протягивая деньги на покупку. — Хотя, может, тебе стоит сначала заехать в наш ближайший универсам. Конечно, у них елки невысокие, но по разумной цене.

— Так куда же мне ехать, мама? — вздохнул я.

— Давай куда поближе, чтобы время не тратить.

— Ну хорошо. Скоро вернусь.

— Нет! Подожди! — крикнула она мне вслед. — Поезжай все-таки в «Фергюсон». Не могу даже думать, что у нас на Рождество будет низкая елка. Купи самую высокую, какая только найдется.

— Ты точно решила?

Она задумалась на секунду, взвешивая преимущества и недостатки обоих вариантов.

— Да, — наконец выпалила она. — Привези нам красивую высокую елку из «Фергюсона».

Когда я закрывал за собой дверь, мама вела Кейт, Ханну и Лили на чердак, доставать игрушки. Потом они аккуратно разворачивали каждое украшение, а мама говорила: «Вот это мне подарил ваш дедушка на наше первое совместное Рождество» или «Вот это сделал ваш папа, когда был совсем маленьким». Затем девочки показывали бабушке, какие елочные украшения сделали они, правда, пока с помощью Кейт. В тот день, когда они занимались их изготовлением, я поздно пришел домой и обнаружил в гостиной ужасный беспорядок. Кейт отлично знала, что я ненавижу мусор и разбросанные вещи, и поэтому я обвинил ее в том, что она нарочно оставила комнату неубранной до моего прихода.

Думаю, моя мать почувствовала, что между мной и Кейт что-то не так, еще в тот момент, когда мы только-только вошли в дом, но также она понимала, что ни один из нас не захочет об этом говорить, поэтому большую часть времени она обращалась к внучкам.

— Что ты сейчас делаешь в садике? — спрашивала она у светловолосой шестилетней Лили.

— Нам рассказывали про жуков, — ответила девочка, поеживаясь, и, оттянув горловину свитера, пожаловалась: — Колется, противный!

— Фу, жуки! Я бы не хотела, чтобы мне про них рассказывали! — сказала мама и сморщила лицо в притворном отвращении.

— А нам все равно рассказывают, — пожалала плечами Лили.

— Как Роберт? — спросила мама у Кейт. Женщины отлично ладили друг с другом. Мама старалась не вмешиваться в наши дела, а Кейт всегда ценила деликатность свекрови.

— Все так же. Постоянно занят, — ответила Кейт, с головой нырнув в коробку с игрушками.

— У Гвен уже был ее рождественский плач?

— Кажется, да, — со смехом ответила Кейт.

— У Роберта будут каникулы?

— Только один день, в Рождество, — ответила Кейт, не глядя на свекровь. — Не знаю, может, ему удастся урвать еще день-другой. Ты же знаешь, как много у него всегда дел.

— Папа говорит, что у него на столе вот такая куча дел, — объяснила Ханна, вставая на цыпочки и вытягивая руки над головой, показывая высоту кучи.

Мама ничего тогда не сказала, но наверняка решила намылить заносчивому, амбициозному, эгоистичному сыну шею, когда он, то есть я, вернется назад с елкой.

У мамы было достаточно средств, чтобы нанять себе помощницу по хозяйству, но она решительно противилась подобной идее. «Зачем поручать кому-то убирать мой дом, когда я сама могу убрать его лучше?» — говорила она мне. Мой отец работал в страховом бизнесе и, достигнув определенных высот, смог обеспечить свою семью всем самым лучшим, так что и после его смерти мама не испытывала ни в чем нужды. Я подозревал, что мама предпочитала сама все делать по дому потому, что эти заботы и хлопоты отвлекали ее от тоски по мужу.

Пока готовился ужин, девочки крутились вокруг темной высокой ели, развешивая полученные от бабушки длинные бусы из попкорна, игрушки и мишуру. Дом наполняла музыка ушедших лет: песни Бинга Кросби, Ната Кинга Коула и Эллы Фитцджеральд. Когда последний шар нашел свое место на колючих ветках, Кейт накрыла на стол, а мама вынесла из кухни тушеное мясо на блюде, по краям которого были выложены картошка, морковь и кольца лука. Дымящаяся миска с зеленой фасолью, тарелка густого соуса, салат с брокколи, свежие булочки и холодный чай дополнили основное блюдо. Я не помню точно, почему в день, когда украшали елку, мама всегда готовила тушеное мясо, вероятно, по той простой причине, что двадцать пять лет назад именно это блюдо продавали со скидкой в местной кулинарии. Да, это не самая романтическая основа для семейной традиции, если задумываться над такими вещами.

За столом говорили в основном о наших дочках, об их успехах в школе и танцевальном кружке. Ханна с гордостью сообщила бабушке, что ее назначили первым дублером Клары, исполняющей главную роль в «Щелкунчике». Я пообещал, что на следующий год Ханне достанется настоящая роль, а Кейт возразила, сказав, что мы будем любить дочь в любом случае, станет она ведущей танцовщицей в кружке или нет. Мама подыгрывала нам, делая вид, что все в порядке. Несмотря на то что в глубине души я ощущал себя притворщиком, мне все же было приятно, что мы не нарушили семейную традицию. Когда Лили проглотила последний кусочек шоколадного кекса, Кейт поднялась и стала убирать со стола.

— Кейт, не надо, я сама займусь уборкой, — обратилась к ней мама.

— Нет-нет, мама, я помогу.

— Только не сегодня. Лучше возьми девочек и посиди с ними возле елки. Поиграй с ними в ту игру, что они весь вечер просили. А мне поможет Роберт.

Кейт выскользнула из-за обеденного стола, без сомнения довольная тем, что больше не надо находиться со мной в одной комнате, и увела с собой Ханну и Лили.

Я собрал со стола грязную посуду и отнес ее на кухню. Затем мама принялась соскребать остатки пищи в мусорное ведро, а я загружал посудомоечную машину тарелками и мисками. Внезапно, без вступлений и предисловий, мама спросила меня:

— Что происходит у вас с Кейт?

Я уставился на нее удивленно, почти ошарашенно.

— Происходит? — пробормотал я, стараясь выглядеть беззаботно. — Ничего не происходит.

— Роберт, сколько мне лет? — спросила мама, продолжая разбирать посуду.

— Ты хочешь услышать, что выглядишь на сорок пять и ни днем старше? — попробовал я отшутиться.

— Роберт, сколько мне лет? — нетерпеливо повторила мама.

— Не понимаю, почему ты об этом спрашиваешь. Мы оба отлично знаем, что тебе шестьдесят восемь.

— И как ты думаешь, за столько лет я научилась хоть немного разбираться в людях? Научилась видеть, когда у людей хорошие отношения, а когда — нет?

— Мы немного поспорили, — вздохнул я. — Ты, наверное, сама помнишь, как это бывает. Вы с папой тоже иногда ссорились. У всех семейных пар случаются небольшие размолвки.

— Ваши с Кейт ссоры я знаю, — заметила мама, вставляя в мусорное ведро новый пакет.

— Не знаю, что и сказать тебе, — с сарказмом проговорил я.

— Сядь, Роберт.

— Я же помогаю тебе прибираться.

— Мне не надо, чтобы ты мне помогал. Мне надо, чтобы ты сел.

Я сел за кухонный стол, а мама успела между делом включить кофеварку. Вернувшись к грязной посуде, она продолжила:

— Я знаю Кейт. Она уже давно стала членом нашей семьи. Я могу различить, когда между вами простая ссора, а когда — нечто более серьезное.

Вертя в руках рождественскую открытку, я пытался найти слова, чтобы поведать маме о случившемся. Это было не просто. Она любила Кейт как дочь, и я догадывался, что в данном случае она не встанет безоговорочно на мою сторону, как можно было бы ожидать от матери. Для этого она была слишком честным человеком. Я пришел к выводу, что лучше всего признаться ей во всем и покончить с этим.

— Наш брак распался, мама, — выпалил я, уставившись невидящим взглядом на открытку.

— Почему? — требовательно спросила она, перекладывая остатки салата в контейнер.

Почему? Я не знаю почему.

— Даже не знаю.

— Не знаешь чего?

Мне с самого начала было понятно, что от моей мамы отговорками да шутками не отделаешься.

— Не знаю, почему наш брак распался.

— Это ведь твой брак, так что ты должен иметь хоть какое-то представление о том,

почему он разрушился, — сказала она и стала раскладывать контейнеры с остатками ужина по полкам холодильника.

— Мама, я сделал все, что мог, — запинаясь, проговорил я. — Я работаю не покладая рук. Я обеспечиваю семье достойный уровень жизни. У нас отличный дом. Кейт и девочки имеют все, что им нужно, но им всегда мало. — Я сделал паузу, предполагая, что мама захочет что-нибудь возразить или заметить, однако она вытирала стол, не глядя на меня. — За последние два-три года мы с Кейт просто стали чужими.

Высказавшись, я стал ждать реакции матери. А она вытащила из-под раковины банку с чистящим порошком и принялась за противень. И все это ни говоря ни слова: она явно хотела, чтобы я продолжал. Молчание затягивалось. Я неловко поерзал на стуле. Мне было бы легче, если бы мама устроила мне старую добрую взбучку, а не заставляла бы меня сидеть в тишине и подбирать слова.

— У нас совершенно не осталось общих интересов, — выдавил я наконец. — Наверное, когда мы поженились, то были еще в одной лодке, так сказать. Мы хотели одного и того же, у нас были общие цели. Но с годами все изменилось. Даже не знаю как. Думаю, примерно то же самое происходит и с другими парами.

Мама вынула из буфета две чашки, налила нам обоим кофе и уселась напротив меня так, чтобы смотреть мне в глаза. Она всегда говорила, что глазами я очень походил на отца, — наверняка ее порою удивляло, почему же я не веду себя так, как он.

— Если я попрошу тебя назвать проблему номер один в вашем браке, ты сможешь это сделать? — спросила она.

Я задумался. Разговор становился все более тяжелым для меня.

— Хм...

— Ты не знаешь, что является главной проблемой в твоих отношениях с женой? — воскликнула мама. — А вот я знаю.

Я взглянул на нее. Именно такого развития нашей беседы мне больше всего хотелось бы избежать. Моя мать никогда не пряталась в кустах. Мне даже не припомнить, сколько раз в мои юные годы она со словами «Ты знаешь, в чем твоя проблема?» начинала выкладывать передо мной голую и зачастую нелицеприятную правду. Но, с другой стороны, я знал, что с каким бы вопросом я ни подошел к ней, всегда мог рассчитывать на то, что она будет честна и открыта со мной. Вести себя по-другому она не умела.

— Ваш брак разваливается, потому что ты слишком эгоистичен, — поставила она диагноз нашей семье.

— Спасибо за приятные слова, мама, — сказал я, прихлебывая кофе.

— Вы стали чужими? Да меня тошнит от этих слов! Каждый раз, когда я слышу, как люди оправдываются этой пустой отговоркой, мне хочется крикнуть им в лицо: «А что вы сделали, чтобы остаться близкими?»

— Мы перепробовали все.

— Что именно? Ты приходишь домой в восемь-девять часов вечера. Ты работаешь по выходным. Так когда у тебя была возможность заняться семьей?

Забавно. За все те годы, что я проработал юристом, ни один судья, ни один адвокат противной стороны не мог смутить меня, а моя родная мать могла. Я покачал головой, наблюдая за тем, как подрагивает и переливается темно-коричневая жидкость в моей чашке.

— Так что ты сделал, Роберт? Что ты лично сделал, чтобы укрепить ваш брак?

— Не знаю, мама. Ну, например, дал Кейт все, что ей нужно.

— Ты дал ей все, кроме себя.

— Я дал ей...

— Ты дал ей вещи, — перебила она меня. — Но не себя. А это огромная разница. Ты пытаешься купить счастье, а это невозможно. Кейт никогда не хотела жить в большом доме или...

— Мам, ну ты же сама всегда жила в огромном доме и при этом была счастлива.

— Потому что счастливой меня сделал твой отец, — со значением произнесла она. — С ним я бы с радостью жила в обувной коробке. И большой дом был тут ни при чем. Кейт же не просила тебя покупать новую «БМВ», или дорогую одежду, или антикварную мебель. Потому что не это ей надо от тебя.

— Ей и не нужно было просить меня об этом, так как я давал ей все это до того, как она попросит, — торжествуя, сказал я.

— Вот именно! — согласилась мама. — Потому что это ты хотел, чтобы у нее все это было. Для тебя покупать Кейт вещи гораздо проще, чем подарить ей минуту своего времени. Ты наваливал перед ней и детьми горы вещей — и заодно отгораживался от своей семьи. Женщинам не нужны вещи, Роберт. Им нужно внимание. И детей не надо заваливать игрушками. Зато им надо, чтобы их папа был рядом, играл с ними, обнимал их, смеялся с ними. Только это и имеет значение, и так было всегда!

Я обводил кухню взглядом, надеясь, что мама скоро закончит.

— Ты говоришь, что у вас разные интересы? А откуда ты знаешь, какие у Кейт интересы? Да, вот скажи мне, о чем она сейчас мечтает?

— Я не знаю, — буркнул я. — Как и все люди, наверное, хочет, чтобы дети не болели, чтоб они закончили школу и...

— Это надежды, — снова перебила меня мама. — Мы сейчас говорим не о них. Так о чем мечтает Кейт? — Она ждала моего ответа, а я молчал, потому что не знал, что сказать. О чем бы ни мечтала Кейт, это было ее личным делом.

— Значит, не знаешь, о чем мечтает твоя жена, так? Ты проводишь с ней слишком мало времени, чтобы расспросить об этом. А может, и правда, у тебя появились другие интересы? — медленно спросила она. — Может, другая женщина интересуется тобой больше, чем Кейт?

С тяжелым вздохом я закатил глаза.

— Да нет у меня никого, мама! И никогда не было. Ну почему женщины чуть что, сразу подозревают, что у мужа есть любовница?

— Может, потому, что если жена не получает прежнего внимания, то ей остается только предположить, что это внимание теперь уделяется кому-то еще.

Теперь мы заговорили о таких отношениях, которые с матерями не обсуждаются в принципе.

— Мам. Поверь мне. Нет никакой другой женщины. И никогда не было. — О, ну почему она заставила меня говорить о таких вещах? — Даже если бы мне и захотелось завести роман (а у меня такого желания нет!), то времени на это у меня все равно нет.

— Ты прав, — кивнула мама. — Прости меня. Мне следовало подумать об этом. Ты действительно слишком занят, чтобы иметь любовницу. Твоя любовница — это твоя работа.

Я уткнулся лицом в ладони.

— От этого разговора у меня разболелась голова.

Мать проигнорировала мою жалобу и продолжила свои рассуждения:

— Сексуальные победы дают некоторым мужчинам ощущение собственной силы, — говорила она, будто цитируя какой-нибудь женский журнал.

— Мама, прошу тебя, хватит об этом! — взмолился я.

— Но твои победы одерживаются не в постели. — Я опустил голову на стол. — Ты побеждаешь на работе, тогда как маленькие домашние радости — первые шаги, первый рисунок, первый зубик — для тебя не имеют ровно никакого значения. А для Кейт эти каждодневные свершения — вся ее жизнь. — Я как можно плотнее обхватил голову руками, загораживаясь от маминых слов. Несмотря на мое явное нежелание слушать ее, мама не умолкала. — Ты не замечаешь этих каждодневных свершений, потому что они слишком незначительны для тебя. Успехи в работе позволяют тебе чувствовать себя настоящим мужчиной, а не маленькие девочки, которые хватают тебя за штанины и называют папой. Тебя заряжает власть над судьбами посторонних людей, но не власть над судьбой собственной семьи. — Гнев заставил ее остановиться и перевести дыхание. Со вздохом она добавила: — У меня просто в голове не укладывается, как ты смог с такой легкостью отказаться от своих бесценных малышей — и ради чего? Ради того, что в твой смертный час не будет иметь никакого значения.

Я взглянул на часы. Мне казалось, что это словесное избиение продолжалось несколько часов. Последние слова матери о том, что я с легкостью отказываюсь от детей, были совершенно необоснованными. Я просто старался быть реалистом.

— Ты куда-то торопишься? — съязвила мама.

— Нет, я просто проверял, не побила ли ты рекорд по продолжительности обвинительной речи.

Она засмеялась и налила мне еще кофе, а заодно подложила на блюде кусок кекса.

— Я больше не хочу, мама, — попробовал отказаться я, но безрезультатно.

— Насколько я знаю Далтона и Хедди, им не доесть все, что осталось от кекса. Не выкидывать же. Так что ешь.

Когда она отвернулась, чтобы подлить себе кофе, я взял вилку и стал отделять от кекса сладкую, тягучую сахарно-кокосовую глазурь.

— Не надо выковыривать себе только самое вкусное, Роберт, — прикрикнула на меня мама, не оборачиваясь. — Ешь все.

Я покорно придвинул глазировку к кексу, подцепил вилкой немного того и другого и отправил в рот.

— Раньше, когда вы с папой были женаты, все было совсем иначе, — проговорил я с набитым ртом. — Сейчас людям приходится сталкиваться с куда более сложными проблемами.

— И что это за проблемы? — живо отреагировала мама. — Власть? Престиж? Достижение вершины корпоративной лестницы? — После каждого вопроса она поднимала брови, ожидая от меня ответа. — Да эти проблемы стоят перед людьми с сотворения мира, — заявила она с непоколебимой уверенностью. — Ничто не ново под солнцем, просто люди поколение за поколением совершают одни и те же ошибки, но похоже, что с каждым поколением человечеству все труднее понять, в чем же оно ошибается. А иначе чем объяснить такую востребованность твоих коллег — адвокатов по бракоразводным процессам?

Проглотив с помощью кофе особенно большой кусок кекса, я посмотрел на мать:

— Мама, мы с Кейт уже миновали ту стадию, когда все еще можно было исправить.

Сейчас никто ничего не сможет изменить. Я понимаю, что тебе не это хочется услышать, но это правда. Мы собирались рассказать тебе все, но только после Рождества — чтобы не портить праздник тебе и родителям Кейт.

— Как великодушно с твоей стороны! — фыркнула мама.

— Но я думал о том, что можно исправить и как, правда думал. Однако пришел к выводу, что не стоит даже пытаться: ведь Кейт больше меня не любит. — Странно, но эти слова ранили меня сильнее, чем я ожидал. — Мне жаль, мама, но такова правда.

Она со стуком поставила чашку на стол.

— Ерунда, — выпалила она. — Я знаю Кейт. Я знаю женщин. Я знаю, что она любит тебя, но ей не хватает твоей любви. Все, чего хочет от мужчины женщина, это знать, что он ее любит и не может без нее жить. Кейт кажется, что ты живешь с ней по обязанности, а не потому, что тебе это нужно. Женщине необходимо чувствовать, что она дорога мужчине, что она — самое важное, что есть у него в жизни. А ты ведешь себя так, как будто Кейт для тебя нечто третьестепенное, а дети и вообще никакой ценности не представляют. Ты для них стал просто посторонним человеком, который оплачивает кабельное телевидение и время от времени проходит через гостиную. — Мамин голос смягчился. — Но она все еще любит тебя, я точно знаю, Роберт. Она не забыла, почему влюбилась в тебя, и ты сумеешь вспомнить, почему полюбил ее, — только выпусти из рук то, что ты так крепко сжимаешь.

— Как все просто, а? — усмехнулся я.

— Нет, — вскинулась мама. — Сделать это совсем непросто. И именно поэтому разводов становится все больше — потому что проще развестись, чем прикладывать усилия для сохранения брака. Но ни в одной книге не прочитаешь, что сбережь брак легко. — В маминых глазах горел огонь. — Ни разу за всю историю бракосочетаний молодоженов не напутствовали словами: «Поцелуйте друг друга и живите себе без проблем и забот». Жизнь вообще трудная штука. Иной раз кажется: ну вот, все понял, а жизнь — раз, и снова поворачивается к тебе другим боком, снова подбрасывает задачу.

Я откинулся на стуле, заложил руки за голову.

— Но мне всегда казалось, что у вас с папой не было проблем.

Мама даже прыснула со смеху:

— Да первые десять лет брака мы с ним жили как кошка с собакой! Он настаивал на своем, я гнула свою линию, и частенько мы закатывали рукава по локоть, вставляли в стойку и колошматили друг друга до тех пор, пока кто-нибудь не устанет, — смеялась она. — Если кто-то рассчитывает, что в семейной жизни все будет происходить только так, как он хочет, то реальность жестоко его разочарует.

— Но вы всегда умудрялись прийти к какому-то общему решению. У нас с Кейт это не получается. — Я уставился в пустую чашку. — Когда папа умер, тебе не пришлось сожалеть о своих поступках.

Мама задумалась на минуту, а потом встала из-за стола.

— Пойдем-ка со мной, — позвала она меня.

Я последовал за ней на второй этаж, где находилась спальня, которую она делила с моим отцом более тридцати лет. В комнате мама подвела меня к сундуку кедрового дерева, подаренному на свадьбу ее матерью, сняла с него самодельную салфетку и подняла крышку. Оттуда пахло ароматом кедра, который я помнил с детства. Порывшись в содержимом сундука, мама вытащила на свет маленькую коробочку. В ней, завернутая в тисненую бумагу, лежала курительная трубка на длинном прямом мундштуке из корня древоподобного вереска.

Мама протянула трубку мне.

— Что это? — спросил я, недоумеваю.

— Это мое сожаление, — тихо ответила она. — Трубка «Данхилл Биллиард», из Англии. Папа всегда мечтал о такой. Я берегла ее для особого случая. — Мама аккуратно забрала трубку из моих рук. — Знаешь, о чем я думала, держа отца за руку, когда он лежал в коме после приступа? Об этом «Данхилле», запрятанном в сундуке. — Вновь обернув трубку бумагой, мама уложила ее в коробочку. — Не знаю, для какого такого особого случая я берегла ее, ведь каждый день с твоим отцом был особым. Каждый день. — Мамин голос прерывался. Она убрала коробочку в ящик, закрыла крышку сундука и села сверху, потянув меня за руку, чтобы и я сел рядом с ней.

— Роберт, всегда относись к жене и детям так, как будто они — особые, — прошептала мама; в ее глазах поблескивали слезы. — Они — самое дорогое, что у тебя есть в этом мире.

— Я знаю, мама, — сказал я и сжал ее руку.

— Нет. Не знаешь. Может, когда ты потеряешь их, ты поймешь. Но не теряй их, Роберт. — Она обхватила мое лицо ладонями и заговорила, глядя мне в глаза: — Вы с Кейт еще можете все вернуть. Все еще можно исправить, — горячо говорила мама, — но сначала ты должен исправиться сам. Конечно, легче пытаться изменить другого, а не себя. Вместо того чтобы требовать что-то от Кейт, ты прежде всего должен дать ей больше своего времени, больше своего внимания, больше себя. — Мамины ладони отпустили мое лицо и упали вниз, мне на руки. — Ни один человек не живет по-настоящему, если он не отдает себя другим. Вот это ты и должен сделать. Что я всегда говорила тебе и Хью на Рождество?

Я затараторил, без запинки, как вызубренное наизусть стихотворение:

— Почему Иисус был рожден в яслях? Потому что Он в смирении своем готов был отдать жизнь за человечество. В этом смысл Рождества. — Затем я повысил голос, подражая маме: — Так, мальчишки?

Она засмеялась и шутливо шлепнула меня по ноге:

— Ну наконец-то ты хоть что-то вспомнил из того, чему я учила вас столько лет. Теперь то, что ты вспомнил, примени на практике.

Она выключила в спальне свет, и мы пошли вниз, но на лестнице нас перехватила Лили.

— Бабушка, я хочу чего-нибудь вкусенького, — с хитрой улыбкой проговорила девочка.

Мама подхватила внучку на руки и чуть ли не бегом направилась на кухню, где всем досталось еще по одному куску кекса (всем, кроме меня, — я наелся сладкого на неделю вперед). Когда девочки допили молоко, мама сфотографировала их напоследок, и настало время собираться домой. Все стали надевать пальто, шапки и варежки, застегивать молнии, зашнуровывать ботинки, затем мама обняла и поцеловала каждого из нас. На улице снова шел снег. Машину покрывали три дюйма свежайшего снега. На прощание мама крикнула, чтобы я ехал не спеша и чтобы позвонил ей, как только мы доберемся до дома.

Когда мы уехали, мама вернулась на кухню и закончила уборку. Остатки кекса она завернула в полиэтилен, чтобы сохранить их до прихода Далтона и Хедди. Потом погасила свет на кухне и в гостиной и уселась в свое любимое кресло (которое они с отцом купили много лет назад на аукционе). Перед ней огоньками гирлянд светилась елка, неумело, но старательно наряженная внучками. Через несколько минут зазвонил телефон — это я сообщал, что мы уже дома, в целости и сохранности. Только после этого мама пошла спать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Декабрь 1985 года

Жить нужно двигаясь вперед, но оценить жизнь можно только двигаясь назад.

Серен Кьеркегор

В понедельник все шло не так, как я запланировал. Рано утром у меня была назначена встреча с очень важным клиентом, но, когда я уже выбегал из дома, Кейт напомнила мне, что я обещал отвезти Ханну в школу. Мы договорились об этом еще на прошлой неделе, чтобы дать возможность Кейт присутствовать на утреннем совещании в больнице. Я совершенно забыл об этом.

В результате я заставил клиента ждать меня двадцать пять минут. Его это совершенно не обрадовало. После этого я получил счет из автомастерской, где мне недавно чинили тормоза. Эту мастерскую порекомендовала мне Гвен: по ее словам, обслуживание там вполне оправдывало поездку на другой конец города, где она располагалась. Действительно, машину мне сделали быстро и дали гарантию на проведенный ремонт. И вот я увидел счет. И вскипел. Они думают, что если я езжу на «мерседесе», то меня можно доить как корову! Они полагают, что я оплачу счет и даже не замечу, что за сумму они там выкатили! В обеденный перерыв я отправился в автосервис, хотя мог бы с большей пользой потратить это время. Но я им покажу, как обсчитывать клиентов! В мастерской меня встретила секретарша, и я попросил ее пригласить человека, который работал с моей машиной. Она вызвала мужчину, на комбинезоне которого было вышито имя Джек.

— Джек, — начала секретарша, — это Роберт Лэйтон, и у него есть какие-то вопросы относительно ремонта его автомобиля.

— Спасибо, Джинни. Я к вашим услугам, мистер Лэйтон, — вежливо обратился ко мне Джек. Судя по выражению его лица, он был встревожен.

— Вы обслуживали мою машину... Джек, не так ли?

— Да, Джек. Мы работали вместе с Карлом.

— Кто такой Карл? — отчеканил я.

— Один из владельцев мастерской. Он занимается «мерседесами» уже более двадцати лет.

— Полагаю, за это время он кое-чему научился, не так ли, Джек?

Джек морщился каждый раз, когда я произносил его имя. Вел я себя отвратительно и отлично это осознавал, но, оправдываясь я перед собой, с меня взяли огромные деньги за обслуживание, так что пусть теперь отдуваются. Я никому не позволю водить меня за нос.

— Если с вашей машиной по-прежнему что-то не в порядке, мистер Лэйтон, то мы с удовольствием взглянем на нее еще раз.

— Учитывая счет, который вы мне выставили, Джек, я никогда не смогу рассчитаться с вами, если вы еще хоть раз «взглянете» на нее. — Я бросил счет на стол. Джинни уставилась на телефон, словно мечтая, чтобы он зазвонил. — Не соизволите ли объяснить, откуда взялись эти цифры?

Джек внимательно перечитал счет, сверяя список выполненных работ с прейскурантом

мастерской.

— Мистер Лэйтон, по-моему, счет выставлен правильно.

— Счет выставлен правильно, Джек? — передразнил я механика. — Посмотрите на общую сумму!

— Наши цены гораздо ниже, чем у большинства конкурентов, — заверил меня Джек.

— Ниже, чем у конкурентов? — переспросил я, вновь проглядывая счет. — Двести семьдесят пять долларов за ремонт передних тормозов? И вы говорите мне, что у вас низкие цены! Да дешевле было бы отвезти машину официальному дилеру!

Джек переминался с ноги на ногу, Джинни углубилась в содержимое ящиков стола.

— Оба передних тормозных диска у вашего «мерседеса» оказались деформированы, — стал объяснять Джек. — Мы сняли старые тормозные диски, вычистили тормозной механизм, поставили новые диски. Иногда бывает достаточно лишь проточить диски, но в вашем случае это было невозможно: слишком сильно они деформировались. Также мы сделали балансировку и развал-схождение колес. Бесплатно.

— Ах вот оно что! — развел я руками. — Если бы я знал, что пришлось менять диски, то не поехал бы в такую даль разбираться.

Джинни исчезла где-то под столом, а Джек сделал глубокий вдох перед новой попыткой утихомирить меня.

— Если при торможении вы по-прежнему ощущаете вибрацию, то можете оставить машину, и мы все исправим.

— Большое спасибо, — отрезал я и вырвал из его рук злосчастный счет. — Как я уже говорил, ваши услуги мне не по карману. Вы, небось, решили, что раз на дворе Рождество, то можно поднимать цены, как вам заблагорассудится, особенно для клиентов с машинами подороже... — Уже в дверях я обернулся и добавил: — Да, Джек, не забудьте передать Карлу, что я в ваш сервис больше никогда не обращусь. — И я с грохотом захлопнул за собой дверь.

* * *

Сильвия проверила пульс Мэгги и погладила тонкую руку, лежащую поверх одеяла. Рядом на каминной полке стояла фотография Мэгги, сделанная несколько лет назад. Против воли Сильвия сравнивала изображение с хрупкой, истощенной тенью, оставшейся от бывшей красавицы. Потом она поменяла капельницу, проверила, как держится игла в вене, нежно помассировала руки и ноги своей пациентки. Массаж, разумеется, не входил в ее обязанности, но Сильвия считала, что нежные прикосновения зачастую имеют даже больший эффект, чем лекарства. Рыжеволосая медсестра была старше Мэгги на десять-пятнадцать лет и обладала добрым, чутким характером. Мэгги она очень нравилась.

— Спасибо, Сильвия, — с улыбкой проговорила Мэгги.

У Сильвии бывали разные пациенты. Некоторые из них яростно сопротивлялись своей участи до самого конца: они пинались, кричали, отпихивали лекарства и отталкивали врачей, металась на постели — так, что запутывались в простынях. Но бывали и другие, которые, хотя и огорчались предстоящей разлуке с близкими, все же смотрели в лицо смерти без страха; которые встречали неизбежный конец со странным спокойствием... будто зная что-то. Мэгги была из таких людей.

— Не за что, солнышко. Как ты себя чувствуешь? — спросила Сильвия, заранее зная, правда, каков будет ответ.

— Хорошо.

Сильвия уже не раз видела больных раком яичников; опыт подсказывал ей, что такие люди не могут хорошо себя чувствовать.

— А ты не обманываешь меня случаем, а? — поддразнила она Мэгги. — Сильвия не любит, когда ей говорят неправду.

— Мне хорошо. Правда.

— Ой! — воскликнула Сильвия и чуть не бегом направилась к дивану. — Чуть не забыла. Вчера вечером я нашла кое-что в одной из коробок со старыми вещами, — сказала она, доставая из своей сумки прекрасный красно-зеленый шарф. — Смотри, это цвета Рождества. — Она сняла с абсолютно лысой головы Мэгги синий платок и повязала вместо него свой шарф, расправив концы так, что они сбегали по плечам на подушку. — Ах, как красиво! Зеленый подчеркивает твои глаза. Сейчас принесу зеркало, посмотришь.

— Спасибо, Сильвия, — сказала Мэгги. Она улыбалась, изучая свое отражение в зеркале. — Вчера мне приснилось, что у меня снова есть волосы.

— Да ты что? — засмеялась Сильвия, но не удивилась: ее пациентам и раньше снились такие сны.

— Только во сне они были длинными и рыжими, как у тебя, — добавила Мэгги. Сильвия снова хихикнула, поправляя подушки под головой Мэгги. — Я ехала в машине с открытым верхом, а волосы развевались на ветру... — Мэгги остановилась, вспомнив, что у нее больше никогда не будет длинных волос, что она больше никогда не сядет за руль машины с открытым верхом. Сильвия погладила ее по щеке.

К кровати приковыляла Рэйчел и потянулась к маме.

— На ручки, — приказала она Сильвии.

Девчушка часто просила, чтобы ее положили на кровать рядом с мамой. Она сворачивалась калачиком, а Мэгги гладила ее по спинке или щекотала ладошки. Поначалу Эвелин беспокоилась: Рэйчел еще совсем маленькая, она наверняка будет возиться и вертеться и может причинить боль Мэгги. Еще больше бабушка волновалась, когда Сильвия устанавливала капельницу: вдруг Рэйчел вырвет иглу из руки Мэгги или повредит трубку. И несколько раз Эвелин пыталась отучить девочку от привычки забираться к маме на кровать. Но та лишь сжимала кулачки и настойчиво повторяла: «На ручки!» В таких случаях вмешивалась Мэгги: «Ничего, мама. Подсади ее ко мне». И тогда довольная Рэйчел прижималась к маминому боку и надолго замирала.

— Ладно, малышка, — сказала Сильвия и подняла девочку на кровать. — Садись рядом с мамочкой. — Мэгги обняла дочку и завела сказку про Золушку и прекрасного принца.

Сильвия отметила кое-что в медкарте, засунула ее под матрас в изголовье и стала собираться домой.

— До завтра, — попрощалась она с Эвелин.

— Спасибо, Сильвия, — ответила Эвелин, провожая медсестру к выходу.

— До свиданья, Мэгги, — крикнула Сильвия. — Пока, маленькая мисс Рэйчел!

Эвелин закрыла за медсестрой дверь, всеми силами души желая, чтобы не видеть ее ни завтра, ни послезавтра, никогда. Потому что участвовавшие посещения Сильвии означали лишь одно: Мэгги становится все хуже и хуже. И значит, скоро наступит день, когда Эвелин уже не сможет одна ухаживать за дочерью, и тогда Сильвия будет проводить у них все

больше времени. Надо будет давать Мэгги лекарства, мыть ее, водить в туалет. Эвелин постаралась прогнать гнетущие мысли и занялась уборкой ванной комнаты. Через открытую дверь она слышала, как Мэгги рассказывала Рэйчел сказку за сказкой. Девочка сидела как зачарованная, и, как только история заканчивалась, прикасалась к маминому лицу и просила: «Мама, еще». И Мэгги пускалась в описание приключений Белоснежки, или Рудольфа — красноносого оленя, или Иосифа и Марии, и каждая следующая сказка была интересней предыдущей. Только звук подъезжающего к дому автомобиля заставил Рэйчел отвлечься.

Джек стал приезжать на обед домой сразу после того, как Мэгги рассказала ему о болезни. Конечно, он почти никогда не укладывался в отведенный для обеденного перерыва час, но Карл, Тед и Майк сказали, чтобы Джек не волновался и обедал дома, и неважно, один час ему на это потребуется или два. В те времена, когда «СитиАвтоСервис» только открылся, зимой бывало много работы, потому что все меняли летнюю резину на зимнюю, однако в последние годы большинство автомобилистов пересели на джипы, и клиентов в декабре стало меньше. Джек с благодарностью воспользовался возможностью видеть Мэгги в середине дня.

Джек снимал в прихожей ботинки, когда из гостиной его окликнул голосок Рэйчел, все еще сидящей на маминой кровати: «Папа!» Он прошел в комнату, поднял дочку на руки и поцеловал в лобик. Усадив ее обратно, Джек склонился к Мэгги:

— Как ты?

— Хорошо. Совсем неплохо.

Из ванной появилась Эвелин:

— Кто хочет обедать?

— Я! — крикнула малышка, тыкая себя пальцем в грудь.

Эвелин с помощью прихваток вытащила из духовки противень с печеной говядиной. Отрезав от мяса несколько толстых кусков, она уложила их между ломтями свежего хлеба и приправила получившийся сэндвич горчицей. Кроме сэндвича, обед Джека состоял из двух больших ложек картофельного салата и стакана чая со льдом, что он и съел с большим аппетитом, сидя на диване рядом с кроватью жены. Затем Эвелин уговорами и хитростью заставила Рэйчел проглотить несколько ложек картофельного пюре с яблочным соусом, после чего уложила девочку спать — несмотря на отчаянное сопротивление последней.

— Как же она не любит спать днем, — вздохнула Эвелин, когда ребенок наконец заснул. — Интересно, от кого это у нее? — спросила она, лукаво поглядывая на Мэгги. Когда Мэгги была маленькой, на время тихого часа Эвелин приходилось чуть ли не привязывать дочь к постели.

Когда Эвелин, напевая что-то под нос, заканчивала мыть посуду, из комнаты ее позвала Мэгги:

— Мам, чем ты сейчас занимаешься?

— Прибираюсь.

— Не можешь подойти на минутку?

Эвелин откинула мочалку и бросилась в гостиную. За последние несколько недель она научилась мгновенно реагировать на просьбы дочери. Иногда от боли Мэгги сворачивалась в клубок и умоляла дать ей лекарство, но в основном такое случалось до посещения Сильвии, а не после ее ухода.

— Что случилось? — спросила Эвелин.

— Я просто хотела поговорить с тобой и Джеком, без детей.

Эвелин опустилась на диван рядом с Джеком, и они оба с тяжелым предчувствием посмотрели на Мэгги.

— Мне надо сказать вам одну очень важную вещь, — начала она.

Джек отставил стакан с чаем и подошел к жене поближе.

— Какую, Мэгги?

— Я сегодня рассказывала Рэйчел сказки, и мне пришла в голову одна мысль. И я поняла, что мне надо будет поделиться ею с вами, но сразу с обоими, потому что если это услышит только один из вас, то потом сможет притвориться, будто я этого вообще не говорила.

— Так что же ты хочешь нам сказать? — спросила Эвелин, нервно сжимая руки на коленях.

— Когда Рэйчел будет выходить замуж, не заставляйте ее надевать мое свадебное платье.

Джек и Эвелин переглянулись.

— Что? — выговорил Джек.

— Я не хочу, чтобы вы заставляли Рэйчел надевать мое свадебное платье.

— И ради этого ты так напугала меня? — воскликнула Эвелин.

— Да! — слабо улыбнулась Мэгги. — Для меня это важно. Я прошу вас, пожалуйста, через двадцать — двадцать пять лет не забудьте о моих словах. Не надо уговаривать ее, а тем более настаивать, чтобы на своей свадьбе она была в моем платье — в память обо мне или чтобы угодить вам. Может, оно ей совсем не понравится или не пойдет. Пусть наденет то, что захочет, и пусть будет счастлива в этот день. Пообещайте мне.

— Обещаю, — посмеиваясь, сказал Джек.

— Мама?

Эвелин скрестила руки на груди. Ничего смешного она здесь не видела. Даже думать о смерти дочери ей было невыносимо, а уж тем более — говорить.

— Знаешь, мне не нравится говорить о таких вещах, — медленно проговорила она. — И вероятно, я не доживу до того дня, когда Рэйчел будет выходить замуж.

— Ну, я-то точно этого не увижу, и потому мне хотелось убедиться, что никто из вас не заставит Рэйчел идти под венец в старомодном, уродливом наряде.

— Ладно! Я же не настаивала, чтобы ты надевала мое свадебное платье. Так зачем мне заставлять Рэйчел надевать твое?

— Что ж, я рада, что мы договорились, — засмеялась Мэгги, хотя видела, что ее мать этот разговор не веселит.

— Я уж боялся, что мне придется разнимать вас, — сказал Джек и понес пустую тарелку и стакан на кухню. Ему тоже было не до смеха, но если Мэгги предпочла выразить свое желание в шуточной форме, то он готов был подыграть ей.

Мэгги не могла не заметить, что ее мать что-то беспокоит. Эвелин уже поднималась, чтобы последовать за Джеком, но дочь остановила ее.

— Мама, подожди, — попросила она. — Я не предполагала, что ты так расстроишься.

Эвелин похлопала дочь по плечу.

— Я не расстроилась. Просто хотела спросить у Джека, наелся ли он. — Она попыталась снова скрыться на кухне.

— Мама, ну что ты? Посмотри на меня. Я не могу бегать за тобой. Что не так?

Эвелин вздохнула, пытаясь сдержать чувства.

— Я и представить себе не могла, что когда-нибудь буду думать о таких вещах, — заговорила она. — Мне бы очень хотелось, чтобы Рэйчел вышла замуж в твоём платье. Мне бы хотелось, чтобы она сама пожелала надеть его. — Эвелин изо всех сил боролась с подступающими слезами.

Джек задержался на кухне. Он знал, что этот момент неизбежен, но все равно не был готов к тому, чтобы вслух говорить о смерти Мэгги. О том, что на школьные соревнования, премьеры самодеятельных постановок, футбольные матчи, выпускные вечера, вступительные экзамены и свадьбы он пойдет без нее. Собравшись с духом, он вернулся в гостиную и сел на стул рядом с кроватью Мэгги.

— Послушайте, — сказала Мэгги, взглянув на Джека и на мать. — Мы все понимаем, что Рэйчел слишком мала, чтобы запомнить меня. — Слеза медленно скатилась по щеке Эвелин. — Это так, мама. Тут ничего не поделаешь. Поэтому я хочу, чтобы она как можно больше узнала обо мне. О том, почему я полюбила ее папу. О том, как я чуть не расплакалась, когда посторонние люди, увидев нас с ней вместе, сказали, что моя дочь — красавица. Я хочу, чтобы она знала: я каждый день благодарила Бога за нее. Только так она узнает и запомнит меня.

Джек смотрел в пол и думал, будут ли еще в его жизни легкие, беззаботные беседы.

— Ты сделаешь это для меня, мама? Ты сможешь рассказать обо мне Рэйчел?

Эвелин вытерла слезы и кивнула.

— Смогу, — убежденно произнесла она. — Я буду рада выполнить твою просьбу. — В душе Эвелин знала, что никогда она не будет рада говорить о своей дочери в прошедшем времени. Как бы ей хотелось обнять Мэгги, как обнимала ее, плачущую, в детстве, и сделать так, чтобы все стало хорошо.

* * *

Шесть дюймов снега выпало за последнюю школьную неделю перед рождественскими каникулами. За десятилетия работы в школе Дорис выучила: не стоит даже надеяться на то, что ученики смогут сосредоточиться на занятиях, когда до праздника оставалось пять... четыре... три дня. Раздав кексы с красной и зеленой глазурью, она попросила второклассников по очереди прочитать свои рассказы о самом интересном рождественском событии.

Джошуа рассказал о том, как он слепил самого большого снеговика во всем квартале, а какой-то злой человек пришел ночью и сломал снеговика голову, и младшая сестренка Джошуа плакала целых три дня.

Алиса поведала историю о том, как ей на прошлое Рождество подарили щенка и он написал прямо на мамин новый диван.

Патрику лучше всего запомнился поход в мастерскую Санта-Клауса. Там он увидел, как делаются игрушки для подарков ребятам, как их грузят потом на сани и как впрягают в сани оленя. Ему даже удалось этого оленя погладить и понюхать, и оказалось, что он пах кашками. Это сообщение вызвало у восьмилетних слушателей дружный смех.

Десмонд любил на Рождество ездить в гости к своим бабушке с дедушкой, где до отвала наедался шоколадной помадкой.

Тайлер не мог забыть, как несколько лет назад специально не засыпал до четырех утра и увидел, что Санта-Клаус вошел к нему в комнату не через дымоход, как положено, а через дверь. Тайлер утверждал, что даже снял Санту на свой фотоаппарат, но не смог найти фотографию, чтобы показать одноклассникам. Все были страшно разочарованы.

Натан прочитал коротенькое сочинение о том, как однажды на Рождество он с папой и мамой ходил кататься на санках, а потом все ели курицу и пирожки с яблоками, и еще папа с мамой танцевали. Закончив, Натан тихо сел на место и подобрал крошки от своего кекса.

Дорис смеялась и хлопала в ладоши после каждого рассказа. Потом пришла ее очередь.

Она вспомнила, что, когда ей было лет восемь, бабушка подарила ей на Рождество пару туфель, украшенных блестящими розовыми бусинками. Она надела их и стала кружиться и танцевать, ощущая себя настоящей сказочной принцессой, пока наконец не заснула на коленях у бабушки. На следующее утро она проснулась в своей кровати... но по-прежнему в туфельках. «И тогда я подскочила и снова принялась кружиться и танцевать! — воскликнула она, и дети засмеялись. — Никогда в жизни я не чувствовала себя такой особенной».

Затем Дорис вместе с учениками спела несколько рождественских песенок и в качестве предпраздничного подарка показала ребятам мультфильм про Рудольфа — красноносого оленя. В конце дня детвора с радостным визгом и смехом ринулась к шкафчикам в глубине класса, где находилась их верхняя одежда. Дорис помогла им надеть теплые куртки, пушистые шапки, шарфы, сапоги и варежки, в результате чего каждый ребенок стал походить на толстого пестрого гусенка. Рассадив детей кого в автобус, кого в машину родителей, Дорис решила, что ни с одним классом ей не было так весело и легко. Весь день ей казалось, что даже воздух наэлектризован радостью; она не могла припомнить, чтобы такое случалось раньше. Может быть, причиной тому было сознание, что это — ее последний год в школе, а может быть, это Бог наполнил ее класс смехом и песнями, чтобы помочь одному из Его детей хоть ненадолго позабыть о величайшей печали.

Но так или иначе, Дорис была благодарна. Это был замечательный день.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Декабрь 1985 года

Вера — это не рациональное понимание, вера — это сознательное доверие Высшему существу там, где не видно пути.

Освальд Чамберс

Джек устанавливал карбюратор, который только что перебрал, когда к нему приблизились Карл и Тед.

— Как дела, Джек? — начал Тед, засунув руки в карманы.

— С этим почти закончил, Тед. Что-нибудь нужно?

— Ничего, — ответил за брата Карл и сложил было руки на объемистом животе, затем, однако, также предпочел карманы. — Просто хотели сказать тебе, что мы тут поговорили и решили... в общем, если хочешь, то не приходи пока в мастерскую. — Карл поскреб лысину, снова спрятал руку в карман и продолжил: — Сын Теда как раз приехал на каникулы; пусть пока поработает с нами. Ему не мешает немного запачкать руки после сидения за партой. — Когда Карл говорил «мы», он имел в виду себя и братьев.

Джек уставился в разобранный двигатель, не зная, что сказать. В жизни ему уже встречались такие люди, которые, хотя и не могли целиком снять ношу с твоих плеч, зато могли облегчить ее. Братья Шейверы по-своему, как умели, как раз и старались помочь ему справиться с грузом надвигающегося несчастья.

— Я отработаю, — пробормотал Джек карбюратору, слишком смущенный, чтобы поднять глаза на братьев.

— Конечно, — ответил Карл, обращаясь все к тому же карбюратору. — Но это не нужно.

— Насчет зарплаты не волнуйся, — добавил Тед. — Майк будет высылать тебе чек на дом каждую неделю.

Джек судорожно подыскивал слова. Ему собирались платить за работу, которую он не сделает.

— А теперь дай-ка я сам займусь этим, — сказал Тед, приближаясь к карбюратору. — Тебя, наверное, ждут дома.

Джек попытался что-то сказать, но голова Теда уже исчезла под капотом, а Карл молча ушел по своим делам. Так что Джеку оставалось лишь вымыть руки, натянуть пальто и поехать домой, чтобы в последний раз отметить Рождество с женой.

Натан был приятно удивлен, когда, вернувшись из школы, увидел, что папа уже дома. Мальчик поделился со всеми подарком, полученным в школе: шоколадными снеговиками и леденцами в виде звездочек. Затем в ногах у мамы он установил бумажную елку и стал скотчем приклеивать к спинке, ножкам, боковинам кровати снежинки, которые вырезал в тот день под руководством Дорис. Подошла Рэйчел и сорвала одну из белых игольчатых снежинок. Свое «преступление» младшая сестренка сопроводила счастливым смехом.

— Рэйчел! Нельзя! — завопил Натан, выхватывая обрывки снежинки из липкого кулачка сестры. — Не трогай их! — Рэйчел шустро перебежала к другому краю кровати, оторвала еще одну снежинку и вновь радостно рассмеялась, увидев, как рассердился старший

брат.

— Ты все испортишь, — крикнул тот и толкнул Рэйчел. — Прекрати.

Джек поднял с пола собирающуюся заплакать дочку и перевернул ее вверх ногами, отчего Рэйчел стала восторженно повизгивать.

— Натан, нельзя драться с девочками, — отчитал Джек сына.

— Она обрывала мои снежинки! — обиженно выкрикнул Натан.

— Не волнуйся, все выглядит великолепно, — заверила его Мэгги. — Мне кажется, что я нахожусь в волшебной зимней сказке.

Пока все были заняты в гостиной, на кухне Эвелин успела без помех упаковать подарки в оберточную бумагу. Настало время уводить детей из дома под предлогом похода в магазин: действие обезболивающего заканчивалось, и Мэгги не хотелось, чтобы сын и дочь видели, как она страдает. Вскоре появится Сильвия и введет новую дозу лекарства, которое поможет Мэгги справиться с усиливающейся день ото дня болью. Дети, кажется, не замечали этой уловки взрослых, а если и начинали выражать недовольство тем, что приходилось куда-то идти, то Джек говорил Натану: «А кто же поможет бабушке?» И этого бывало достаточно, чтобы Натан бросался в прихожую натягивать сапоги, а за ним семенила и Рэйчел.

Вечером, после ужина, когда посуда уже была вымыта и убрана, Джек помог Мэгги сходить в ванную. От лекарств Мэгги испытывала многочасовые приступы тошноты, которые заканчивались рвотой и еще большей слабостью. В таких случаях Мэгги жестом давала понять Джеку, что ей плохо (за время болезни у них выработалась целая система условных знаков). Тогда он опускал ее ноги с кровати и помогал ей подняться. Мэгги, хотя и очень ослабла, все еще могла передвигаться, опираясь на мужа. В ванной комнате Джек обхватил Мэгги и держал, пока ее рвало в раковину. Затем, придерживая Мэгги одной рукой, он ополоснул раковину и отвел жену обратно в комнату, уложил в постель и заботливо подоткнул со всех сторон одеяло. Мэгги казалось, что ее муж — самый сильный мужчина на свете.

Когда Мэгги снова устроилась в кровати, вся семья собралась вокруг нее, чтобы посмотреть по телевизору сказку «Рождество Чарли Брауна». Все получили от фильма огромное удовольствие, но громче всех смеялась Рэйчел.

— Это моя самая любимая рождественская история, — сказала Эвелин, поднимая Рэйчел на руки, чтобы выкупать внучку перед сном.

При этих словах Натан вскинулся, вспомнив, что у него в рюкзаке лежит его собственная рождественская история. Он сбегал в свою комнату и вернулся к маме с тетрадкой в руках.

— Миссис Паттерсон сегодня вызывала всех по очереди, и мы читали вслух свои сочинения, — гордо сообщил он родителям. — Тайлер сфотографировал, как Санта-Клаус заходит в его комнату из кухни, а снеговика Джошуа кто-то оторвал голову.

— Ох, как это ужасно, — улыбнулась Мэгги.

Натан открыл тетрадку и начал читать:

— «Мое самое любимое Рождество было, когда я, мама и папа поехали на ферму кататься на санках. Папа свалился с санок, потому что мы сидели втроем, и мама смеялась всю дорогу до самого низа. Потом мы ели курицу, яблочные пирожки и пили горячий шоколад, а папа с мамой танцевали возле елки».

Мэгги сочинение сына очень понравилось. Она с улыбкой смотрела на *m* с лишней ножкой, на *d* с палочкой слева, а не справа, на неразличимые *g* и *j*. Похвалив Натана за

хорошую память, она задумалась: неужели с тех пор прошло три года? Тот день стоял перед ее глазами так ясно, как будто был вчера. Они с Джеком посадили маленького Натана между собой, но не успели проехать и четверти пути, как Джек не удержался на краю санок и свалился. Мэгги хохотала до слез, глядя, как он кувыркается вниз по склону.

— Да, это и мое любимое Рождество, — сказала она, возвращая сыну тетрадку.

— И мое тоже, — вставил Джек. — Хотя я потом две недели хромал.

— А как же ты потом танцевал с мамой? — поддразнил его Натан.

Взор Мэгги затуманился. Джек обожал танцевать, несмотря на то что у него не очень получалось. Но если ему и не доставало грации, он с лихвой компенсировал это неудержимым задором.

— Твоя мама танцует лучше всех на свете, — сказал сыну Джек.

— Миссис Паттерсон тоже рассказала нам о Рождестве, которое ей запомнилось больше всего. Ей тогда бабушка подарила такие особенные туфли, розовые с бусинками. Миссис Паттерсон танцевала в них целый день. И даже спала в них, — поделился впечатлениями Натан.

— Надо же, — восхитилась Мэгги. — Наверное, это действительно были особенные туфли.

Тем временем Эвелин искупала Рэйчел, завернула ее в пушистое полотенце и отнесла в детскую, закрыв за собой дверь. Мэгги посмотрела на милое личико сына. Он унаследовал от отца голубые глаза и светлые волосы. В наступившей тишине она почувствовала, что ей надо поговорить с Натаном о скором будущем. Она знала, что другой возможности побыть со своим мальчиком наедине у нее может не оказаться, и попыталась собраться с духом для этого невыносимо трудного разговора.

— Милый, ты не принесешь мне попить чего-нибудь теплого? — попросила она Джека, глазами умоляя его выйти из комнаты.

Джек подскочил со стула, догадываясь о намерениях жены. Они не раз уже обсуждали, когда и как сказать Натану о самом страшном. Состояние Мэгги стремительно ухудшалось. Ни Джек, ни Мэгги не говорили о времени, но оба знали, что его оставалось мало.

— Конечно, — проговорил Джек и вышел.

— Миссис Паттерсон всегда придумывает для вас такие интересные задания, — сказала Мэгги Натану. — Напомни мне, что за сочинение ты написал недавно? То, что мне так понравилось.

— Про лягушек?

— Нет, это мне тоже понравилось, но то, кажется, было про цветы.

— А, да! — просиял Натан. — О чем думают цветы под снегом.

Мэгги улыбнулась его энтузиазму. Ее сынок всегда помогал ей ухаживать за цветочными клумбами возле дома. Еще двухлетним малышом она подводила его к крохотным росткам в земле и говорила: «Смотри, Натан, вот растет цветочек», и потом день за днем они следили за тем, как цветок вырастает, пускает бутоны и наконец расцветает.

Мэгги отвернулась на секунду, борясь со слезами, и снова обратилась к сыну:

— Натан, очень скоро многое изменится, — медленно подбирала она слова, — и тебе не все будет понятно.

По лицу Натана она видела, что ему уже не все понятно.

— Натан, — нежно произнесла она. — Вероятно, когда-нибудь, уже взрослым, ты станешь винить Бога в том, что я заболела, но прошу тебя, не делай этого.

Натан нахмурился, не зная, что и думать. Почему мама говорит о своей болезни? Он предполагал, что она скоро поправится, потому что люди, которые серьезно больны и никогда не смогут выздороветь, лежат в больницах.

— Я хочу, чтобы ты помнил: Бог не делал меня больной. Он помог мне бороться с болезнью, — говорила Мэгги. — Он давал мне силы играть с тобой и с Рэйчел и поддерживал в самые тяжелые дни.

Натан опустил голову. Ему не нравилось говорить о мамином нездоровье. Мэгги мучительно искала слова, которые не испугали бы восьмилетнего сына.

— Через некоторое время, — с паузами, задумчиво заговорила она, — ты, наверное, услышишь, как некоторые взрослые говорят: «Какая жалость! Господь забрал ее такой молодой». Но они будут не правы, Натан. Они будут не правы, и я не хочу, чтобы ты верил им. Каждый раз, когда ты будешь слышать эти слова, вспомни, что я скажу тебе сейчас: Бог не забрал меня. Он принял меня.

Наморщив лоб, Натан взглянул на мать. Мэгги смотрела в его перепуганные глаза. Может быть, он еще слишком мал, чтобы понять ее?

— Ты имеешь в виду, на небо? — шепотом выговорил он.

Сердце Мэгги чуть не разорвалось при этих словах.

— Да, милый, на небо.

Натан замолчал. На кухне Джек напряженно прислушивался к разговору.

— То есть Бог заберет тебя на небо? — переспросил Натан, не в силах осознать сказанное.

— Нет, — возразила Мэгги. — Он не заберет меня, Натан. Он раскроет объятия и примет меня. Между этими словами огромная разница, и я хочу, чтобы ты всегда об этом помнил.

Натан вертел в руках тетрадку. Помолчав, он тихо спросил:

— А что ты там будешь делать?

— Я даже не могу представить себе, — сказала Мэгги прерывающимся голосом. — Я знаю, что буду долго-долго смотреть на Бога и благодарить его за то, что Он послал Иисуса на землю к людям, и за то, что Он подарил мне тебя. И там будет так замечательно, Натан, невозможно даже вообразить, что я там буду делать, но одно я знаю точно: там я буду здоровой. — Натан при этих словах взглянул на Мэгги. Она улыбнулась. — Там я буду совершенно здоровой и буду бегать, и прыгать, и играть, и танцевать, как раньше, когда я не болела.

Натан снова уткнулся в свою школьную тетрадку. Ему по-прежнему было трудно говорить о маминой болезни. Он не знал, что думать, как себя вести.

— А там будут звери? — наконец спросил он.

— Будут. Там будут самые необыкновенные и красивые звери, о которых мы с тобой даже и не слышали, — ответила Мэгги. — Животные, которых Бог создал для нас и которые живут на земле, совсем не такие, как те, что живут с Богом на небесах. Зебра и жираф? Да они просто кошки по сравнению с чудесными небесными зверями.

— И все они добрые и не кусаются, да? — с тревогой уточнил Натан.

— Конечно. Они не кусаются. Наоборот, они ласковые и красивые, и на них можно кататься верхом или играть с ними целый день.

— А улицы там все из чистого золота?

Мэгги улыбнулась.

— Да, улицы там из чистого золота, там текут чистые реки, шумят водопады, а вокруг расстилаются прекрасные пейзажи.

— И цветы там еще красивее, чем твои? — все более поражался Натан.

— Гораздо красивее, чем мои, — засмеялась Мэгги. — Цветы и деревья на небесах гораздо красивее, чем цветы и деревья, которые Бог создал на земле. — Она остановилась, чтобы дать Натану время обдумать услышанное.

— А дедушка там будет? — задал следующий вопрос Натан.

— Будет, — улыбнулась Мэгги. — Он будет стоять у ворот и ждать меня.

Глаза ее наполнились слезами, и она на всякий случай отвернулась, хотя Натан все еще не поднимал глаз. Он разглядывал свои ноги, думая над тем, что сказала ему мама. Через несколько минут раздался еле слышный вопрос:

— Зачем ты уходишь туда?

На кухне Джек сжал голову руками.

— Потому что мамочка больна и никак не может выздороветь, — также тихо ответила Мэгги.

— Можно, я пойду с тобой? — спросил мальчик горестным шепотом.

Мэгги схватила край простыни и сжала ткань в кулаке, а слезы уже неудержимым потоком лились по щекам.

— Нет, мой милый, тебе со мной нельзя.

С мокрым от слез лицом Натан подскочил к матери и прильнул к ней.

— Я не хочу, чтобы ты уходила на небо без меня, — всхлипывал он.

Мэгги обняла его узкую спинку. Скоро уже и это будет ей не по силам. И она еще крепче прижала к себе сына.

— Я тоже не хочу уходить без тебя, — проговорила она, заливаясь слезами. — Я бы все на свете отдала, чтобы остаться здесь, с тобой, но не могу.

— Нет, мамочка, нет! — умолял Натан, цепляясь за мамину сорочку. — Я не хочу, останься!

Мэгги вытерла слезы, чуть отодвинула от себя Натана, чтобы видеть его глаза.

— То, что меня не будет рядом с тобой, совсем не значит, что я брошу тебя, — попробовала она утешить сына. Мэгги догадывалась, что Натан вряд ли понимал ее слова, потому что губы его снова задрожали. Она нежно обхватила его лицо ладонями: — Я навсегда останусь с тобой, вот здесь, — сказала она и прикоснулась к его груди. — Именно здесь живет мой папа с тех самых пор, как он отправился от нас на небо, и именно здесь я буду жить, внутри твоего сердца. — Натан положил голову ей на грудь, и она стала гладить его волосы. — Я хочу, чтобы ты знал, — шептала она ему на ухо, — что моя самая большая радость в жизни — это ты. — Она повернула сына к себе лицом и поцеловала его в лобик. Глядя в его голубые глаза, она молилась о том, чтобы он запомнил этот вечер. Молилась, чтобы когда-нибудь он вспомнил о ее словах и ему от этого стало легче.

Она обняла его крепко-крепко и покрывала поцелуями все его лицо до тех пор, пока мальчик не захихикал от щекотки и не стал вырываться от щекотки.

— А теперь тебе пора ложиться спать, мой маленький мужчина.

Джек задержался на кухне, чтобы утереть слезы кухонным полотенцем: ему не хотелось, чтобы сын увидел его плачущим. Но потом ему пришла в голову мысль, что, может, это было бы не так и плохо. Так мальчик понял бы, что плакать можно и нужно, что все иногда плачут.

— Иди к себе в комнату, — обратился он к сыну, — я загляну к тебе через минутку пожелать спокойной ночи.

— Я люблю тебя, — сказала Мэгги, снова целуя сына.

— Я тоже тебя люблю, мамочка, — ответил Натан и тоже поцеловал ее, прежде чем отправиться к себе в комнату. Он, конечно, еще не осознавал, как повлияет на него этот разговор через несколько лет, когда он повзрослеет.

Мэгги переполняли эмоции. Джек нежно поцеловал ее и вытер ей слезы. Он постарается все объяснить Натану, когда мальчик станет чуть постарше. Джек пообещал себе и Мэгги, что он будет объяснять это сыну вновь и вновь, пока Натан не поймет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Декабрь 1985 года

Бог разговаривает с нами с помощью событий, великих и малых, и искусство жизни состоит в том, чтобы уметь понимать то, что Он говорит нам.

Малькольм Маггеридж

— Гвен! — крикнул я в дверь. — Ты перенесла встречу с Альфредом Диазом? — Я подождал ответа несколько секунд, не дождался, нетерпеливо поднялся из-за стола и вышел из кабинета, чтобы узнать, почему не отвечает Гвен. Только увидев пустой стул, я вспомнил, что сам отпустил ее домой еще три часа назад. Сегодня был канун Рождества, и ей надо было ехать в аэропорт встречать родственников. Я вздохнул, поглядев на часы.

— Семь часов, — объявил я пустому кабинету. Гора бумаг, выросшая за день на моем столе, приводила меня в отчаяние. Поразмыслив, я сунул в портфель пару самых неотложных документов. Я собирался закончить сегодня пораньше, часов в пять, потому что еще не успел купить рождественские подарки. Во время работы я иногда так погружался в дела, что совершенно терял ощущение времени.

Я выключил в офисе свет, закрыл дверь на ключ и торопливо зашагал по коридору к лифту. Раздраженный задержкой, я тыкал пальцем в кнопку вызова лифта и одновременно сражался с пуговицами пальто. На первый этаж я прибыл крайне недовольный собой и окружающим миром. «Прекрасно, — мрачно думал я, — и где я найду открытый магазин в такое время?»

Два дня назад я после работы ездил к матери. С тех пор как Кейт попросила меня оставить ее, моя жизнь как будто вырвалась из-под контроля. А мама всегда была хорошим советчиком. Я затормозил возле ее дома, но свет не горел ни в одном из окон. Ну, разумеется, без пятнадцати одиннадцать иначе и быть не могло. О каком контроле над жизнью я могу мечтать, если не в состоянии даже соблюдать нормальный рабочий график? Я сидел в машине и любовался маминым домом: подмигивающими огоньками, ярко освещенным вертепом, цветными гирляндами. Мама с папой превратили наш дом в такое место, где жизнь казалась волшебной. Дни рождения были волшебными праздниками. День благодарения, Пасха и Рождество были волшебными праздниками. Как-то я сказал Кейт со смехом, что верил в Санта-Клауса до двадцати одного года, потому что мне ни разу не удалось застать родителей за тем, как они кладут перед нашими с братом кроватями подарки. И мама, и папа хотели, чтобы родной дом стал для нас с братом самым замечательным местом на земле. Чтобы наши воспоминания о детстве не были воспоминаниями о ссорах, перепалках и обидах. Они хотели создать из нашего детства сказку, и им это удалось. Я облокотился на руль и вновь обвел взглядом дом. Что будут вспоминать о детстве мои дочери? Скажут ли они мне спасибо за свои детские годы? Я покачал головой и поехал домой, размышляя над тем, как вернуть в свою жизнь былое очарование.

...В этот час в здании оставалась только охрана. Я забрал с опустевшей парковки «мерседес» и помчался по празднично освещенному городу в сторону центра. Витрины

блестели огнями, но магазины уже не работали. Снова пошел снег — в воздухе танцевали крупные пушистые снежинки. На улицах почти никого не было, и я чувствовал себя единственным человеком в мире, кто не сидел сейчас дома, в окружении семьи.

Моей последней надеждой был крупный универмаг в центре города. Подъехав к нему, я с облегчением убедился, что магазин еще не открыт. В обед я пробовал составить список того, что нужно будет купить, но не смог: я не знал, что хотели бы получить в подарок мои близкие.

Почти бегом, расталкивая немногочисленных покупателей, я направился в отдел игрушек, где, по моим предположениям, можно было найти большую коллекцию кукол Барби. Не слишком ли мала Лили для Барби? Не потеряла ли к ним интерес Ханна? Какие Барби считаются хорошими, а какие — не очень? Я бросил в тележку одну куклу, рассчитывая, что Кейт подскажет мне, кому из девочек она подойдет. В отделе электроники мой взгляд упал на плеер, и я решил, что Ханна уже достигла того возраста, когда дети начинают интересоваться музыкой. Но какая музыка ей понравится? Среди женской одежды меня привлек красный свитер из кашемира, я уже схватил его, обрадовавшись, что нашел неплохой подарок для мамы, но вспомнил, что у нее уже есть нечто подобное. Я со стоном швырнул свитер на полку, но затем снова взял его в руки, прикидывая, не подойдет ли он Кейт. В прошлом году я подарил ей бриллиантовое кольцо стоимостью почти пять тысяч долларов, потому что она как-то пожаловалась, что я не обращаю на нее внимания. Тем подарком я хотел доказать, как она важна для меня, но кольцо ничего не изменило в наших отношениях. Я не собирался повторять одну и ту же ошибку дважды. Свитер полетел из тележки обратно на полку.

В моей голове гудел многоголосый хор. Один гневался: «Как она могла?», другой недоумевал: «Почему она давно этого не сделала?», третий уговаривал: «Если все кончено, то постарайся забыть об этом как можно скорее и двигайся дальше — нечего предаваться унынию», а четвертый голос призывал к примирению: «Но ты же любишь ее, и она тебя любит. Разве этого недостаточно?» Может быть, расставание пойдет нам на пользу, даст возможность посмотреть на все со стороны? Может быть, думал я, Кейт соскучится по мне и образумится наконец?

Блуждая по магазину, я заметил, что из отдела в отдел бегают мальчик, снимает с полок товары, вертит их в руках и кладет обратно, к явному неудовольствию продавцов. При этом парнишка не глядел по сторонам и один раз, когда я перебирал вязаные шарфы, подыскивая подходящую расцветку для мамы, даже врезался в меня. «Простите, сэр», — пробормотал он, глядя куда-то в сторону. Я нахмурился. Меня возмущали родители, позволяющие своим детям бегать по магазинам без присмотра. Мальчик продолжал перебирать вешалки с одеждой, вытаскивая на свет то блузку, то юбку, то жакет. Я наблюдал за ним. Несколько вешалок упало на пол, но он не увидел этого. Я снова огляделся по сторонам в поисках родителей несносного мальчишки.

— Мальчик, пожалуйста, будь аккуратней, — раздраженно отчитал я подростка, не найдя рядом никого, кто бы походил на его отца или мать.

Раздосадованный и усталый, я почти не глядя бросал в тележку то, что попадалось под руку. Уже двигаясь к кассе, в отделе женской обуви я снова увидел того мальчика. Он озабоченно перебирал все подряд сапоги, туфли и босоножки, выставленные в торговом зале. Вдруг при виде полки с уцененной обувью его глаза загорелись, и он осторожно взял в руки пару туфель. Застыв как зачарованный, он разглядывал серебристые лодочки, вышитые

красными, синими, зелеными блестками и стразами. Потом он сунул туфли под мышку и заторопился к кассе — и успел прошмыгнуть прямо передо мной. «Везет, как всегда», — злобно думал я, глядя, как переминается с ноги на ногу беспокойный ребенок. Покупатель, стоящий перед ним, похоже, скупил половину магазина: кассир занимался им целую вечность.

И снова я обвел магазин взглядом, пытаюсь определить, где же родители ребенка. Должен признать, что тщательность, с которой мальчуган выбирал туфли (очевидно, подарок для матери), не оставила меня равнодушным. А беспокойство мальчика я объяснил его нежеланием, чтобы мать увидела подарок раньше времени.

Я взглянул в свою тележку. Меня вдруг поразила одна мысль: я уже и не помнил, когда в последний раз волновался, выбирая подарок.

Когда мы с братом были мальчишками, мы до боли в руках вытряхивали из копилки все накопленное за год, до последнего цента. Набив монетками карманы, мы вприпрыжку бежали в местный магазин дешевых мелочей и надолго прилипали к подносам с заколками (для нашей мамы мы искали самую яркую, самую крупную заколку), затем ныряли в отдел подарков для мужчин и выбирали самый праздничный галстук, чтобы вручить папе. Однажды мы решили подарить ему не галстук, а длинный рожок для обуви, чтобы ему не приходилось нагибаться, надевая ботинки. Я вспомнил, сколько восторгов вызывали у нас эти походы за подарками. Мы бегали по магазину, суетились, криками подзывали друг друга и чуть не лопались от гордости при мысли о том, как родители удивятся и обрадуются, получив на Рождество наши подарки.

Наконец подошла очередь мальчика. Он положил перед кассиром туфли, и тот назвал цену: четырнадцать долларов двадцать пять центов. Мальчуган выковырял из карманов поношенных джинсов несколько мятых банкнот и горстку мелочи. Кассир пересчитал деньги.

— Здесь только четыре доллара шестьдесят центов, сынок, — сказал он.

— А сколько стоят туфли? — встревожился мальчик.

— Они стоят четырнадцать двадцать пять, — повторил кассир. — Сбегай попроси у мамы или папы еще немного денег.

Явно расстроенный мальчик спросил:

— А можно, я принесу остальные деньги завтра?

Кассир улыбнулся и покачал головой, пересыпав деньги мальчика тому в ладонь.

Глаза мальчишки налились слезами.

Он обернулся ко мне и произнес:

— Сэр, мне очень нужно купить эти туфли. Они для моей мамы. — Его голос дрожал. Я с ужасом осознал, что ребенок обращается не к кому-нибудь, а именно ко мне. — Она очень больна, а за ужином папа сказал, что сегодня вечером она уйдет от нас к Иисусу.

Я стоял неподвижно как столб.

Я не знал, что сказать.

— Я хочу, чтобы она была красивой, когда увидит Иисуса, — говорил мальчик, с мольбой всматриваясь мне в глаза.

Почему он просил об этом меня? Я что, похож на легкую добычу — на богатея, которому некуда девать деньги? Меня тут же охватил гнев. Я заподозрил, что столкнулся с новым видом жульничества: родители подсылают своих детей выпрашивать деньги перед Рождеством, играя на лучших человеческих чувствах. Хотя нет, одумался я: ведь мальчик

пообещал кассиру, что принесет недостающие деньги завтра.

Я понятия не имел, как себя вести и что говорить. Внезапно со всей ясностью я осознал, что парнишка не притворялся. Я взглянул в его глаза, и что-то случилось в этот миг. Пара туфель для встречи с Иисусом. Ребенок прощался с матерью.

Не думая и не говоря ни слова, я вытащил бумажник и протянул кассиру пятидесятидолларовую банкноту, чтобы заплатить за туфли.

Мальчик привстал на цыпочки и наблюдал за тем, как происходит оплата его покупки. Затем он схватил пакет с туфлями и побежал было к выходу, но остановился и обернулся ко мне.

— Спасибо, — сказал он.

После чего исчез в темноте улиц. Я стоял и смотрел ему вслед.

— Вы готовы, сэр? — обратился ко мне кассир. Я не слышал его слов. — Сэр? — повторил он. — Вы готовы оплачивать?

Я пришел в себя и посмотрел на то, что лежало у меня в тележке.

— Нет, — ответил я. — Извините, мне надо начать все сначала.

Я оставил полную тележку у кассы и медленно вышел из универмага. В пелене снегопада я пересек город и остановился возле дома. В спальне Кейт на втором этаже горел свет.

По дороге я пытался придумать, что и как сказать, но не смог. Одно мне было ясно: я должен поехать домой. Мне необходимо вернуть в нашу жизнь волшебную сказку. Я вдруг понял, что от этого зависит все мое дальнейшее существование. Кейт права: не она и девочки оставляют меня, я сам оставил их. Когда это случилось? Как я мог такое сделать? Дом. Это слово внезапно наполнилось новым смыслом. То, что когда-то являлось синонимом пустоты, стало означать радость, прибежище от печали и горя. Наконец-то я возвращался домой.

Не в силах справиться с собой, я с порога закричал на весь дом:

— Кейт! Кейт!

Она сбежала вниз по лестнице и зашикала на меня, боясь, что я разбужу дочерей. Не говоря ни слова, я провел Кейт в кабинет, усадил на диван и опустился перед ней на колени.

— Что с тобой? — спросила она.

— Послушай, — медленно заговорил я. — Я ничего не купил тебе и девочкам на Рождество.

— Я и не ожидала от тебя подарков, — резко ответила она и скинула со своих плеч мои ладони. — Но уж родным дочерям можно было бы подарить хоть что-нибудь. — Она попыталась встать с дивана, но я не дал ей подняться, мягко, но решительно схватив ее за руки.

— Что ты делаешь, Роберт? — воскликнула она, вспыхнув румянцем.

— Кейт, умоляю тебя. Я не знаю, что сказать, но мне очень нужно, чтобы ты выслушала меня.

Она вырвалась из моих рук и сердито уставилась на меня:

— Слушаю.

Собравшись с мыслями, я приступил к объяснению.

— Я ничего не купил, потому что не знал, что вам подарить. — Кейт вздернула подбородок и чуть пожала плечами, но все же слушала меня, а именно этого я и добивался. — Я не знал, что вам купить, потому что я не знаю вас, — продолжил я. — Я

позволил вам ускользнуть из моей жизни, позволил вам стать чужими для меня людьми.

Кейт сидела неподвижно, мои слова явно не тронули ее.

— Ну и что? — спросила она озадаченно.

Я поднялся и сел напротив Кейт на низкий кофейный столик.

— Кейт, — попробовал я донести до нее свои чувства. — Я поехал в магазин. Поехал, чтобы купить тебе, и детям, и маме подарки. Я уже даже встал в кассу, когда до меня дошло... — И все равно я не знал, как выразить словами то, что случилось со мной. Кейт подняла брови, ожидая продолжения. — Вы для меня — самое главное в жизни, — сказал я, тщательно подбирая слова. — Но я обращался с тобой и с девочками так, как будто вы ничего для меня не значите.

Она неловко заерзала, не совсем понимая, как реагировать на услышанное.

— Я понял, что лучшим подарком для вас был бы я сам. Я должен подарить тебе уважение и любовь, которых ты заслуживаешь, я должен подарить девочкам свое время, свое внимание, должен сводить их в зоопарк и на карусели и не знаю даже куда еще, — сказал я и обхватил голову руками. — Я должен подарить им папу. У них есть человек, который обеспечивает им кров и еду, — продолжил я. — У них есть человек, которого они должны называть отцом, но на самом деле у них нет отца. Я хочу быть с ними, но не просто находиться в одной комнате — я хочу делить с ними все их радости и горести. Я хочу быть рядом, когда им нужна моя помощь. Я хочу, чтобы ты и я были рядом с ними, — закончил я, глядя в глаза Кейт. В них я искал хотя бы малейший намек на понимание и сочувствие. Но Кейт скептически смотрела на меня, что и понятно: нас разделяли долгие годы обид и раздражения.

— Кейт, — горячо заговорил я, но остановился, потом начал снова: — Не знаю, что ты чувствуешь... — Я облокотился о колени и сплел пальцы рук. — Не знаю, может, ты готова к тому, чтобы мы расстались, но... но я... я, кажется, не готов.

— Почему ты так внезапно переменял свое мнение? — спросила Кейт голосом, полным недоверия.

— Не знаю, Кейт, — ответил я, мотая головой. — Просто приближается Рождество. — Она непонимающе подняла брови. — Приближается Рождество, Кейт, и я понял, что в подарок хотел бы получить только одно: свою семью.

Кейт покачала головой и отвернулась. Я нежно обнял ее за плечи и повернул к себе. На меня глядели горящие, желающие верить глаза.

— Мне ничего не нужно, Кейт, — сказал я, крепче сжимая ее плечи. — Ничего. Ни работа, ни машины, ни дом. Единственное, что мне нужно, — это ты, Ханна и Лили, потому что... — Я замолчал, испугавшись, что она не поверит моим словам, но мне все равно нужно было сказать это ей: — Потому что я люблю вас.

После этих слов мы оба замолчали. Я напряженно следил за выражением ее лица: Кейт смотрела на меня с изумлением. И вдруг я вспомнил: так же смотрела она на меня в первые месяцы нашего знакомства, когда я говорил что-нибудь, на ее взгляд, сумасшедшее. Я почувствовал себя увереннее оттого, что узнал этот взгляд.

— Люблю, Кейт, — прошептал я. — Я люблю тебя и не хочу тебя терять.

Она вглядывалась в мои глаза. Что она хотела в них найти? Надежду? Прощение? Покой? Я отпустил ее плечи, и она откинулась на спинку дивана, не сводя с меня ищущего взгляда. А я не испытывал потребности зарыться в неразобранную почту, не стремился спрятаться в офисе, наоборот: меня до краев переполняла радость. Радость. Не

беспокойство, не тревога, не раздражение. Я был безмятежен и умиротворен — как никогда в жизни.

Кейт села поудобнее и задумчиво спросила:

— Сегодня вечером с тобой что-то случилось?

— Это долгая история, — ответил я с улыбкой.

Мы проговорили полночи.

* * *

Мэгги дышала с трудом, но оставалась в сознании. Сильвия приготовилась поменять лекарство в капельнице: поставленная утром порция обезболивающего уже подходила к концу, и надо было ставить новую, чтобы хватило на весь вечер. Но Мэгги приподняла руку, желая остановить медсестру.

— Мэгги, — прошептала Сильвия, — лекарство поможет справиться с болью.

— Нет, — неслышно шевельнула губами Мэгги.

— Спасибо, Сильвия, не надо, — вмешался Джек. — Она хочет посмотреть, как дети будут разворачивать подарки. А после приема лекарства она уснет.

— Хорошо, деточка, — Сильвия погладила руку Мэгги и поправила шарф у нее на голове. — На всякий случай я все подготовила, — добавила медсестра, подвешивая упаковку с раствором на штатив капельницы. — Если что, попроси кого-нибудь открыть зажим, договорились? — Мэгги еле заметно кивнула, и Сильвия улыбнулась. — Если понадобится, крикните, — сказала она Джеку и скрылась в комнате Рэйчел, где за вышиванием или чтением обычно коротала время, когда хотела дать Джеку и Мэгги возможность побыть наедине. Последние две недели она проводила у них в доме по десять-двенадцать часов в день, уходя домой лишь поздно вечером. Через тридцать минут ее дежурство на сегодня закончится, и она оставит Эндрюсов праздновать Рождество в семейном кругу.

Обычно в рождественский вечер Джек и Мэгги доставали с чердака припрятанные там до поры до времени подарки уже после того, как Натан засыпал, но в этом году Джек предложил, чтобы церемония вручения подарков состоялась в канун Рождества, а не на следующее утро. Он с помощью Эвелин уже завернул те немногочисленные подарки, которые они смогли купить детям, и положил их под елку три дня назад.

Эвелин сходила в ванную и принесла к кровати дочери румяна, тени для век, пудру и помаду: с тех пор как Мэгги совсем ослабла и уже не могла краситься сама, ей стала помогать мать. Вот и сейчас Эвелин решила немного освежить макияж, наложенный ею утром: добавила темно-серого на веки, прикоснулась к впалым щекам широкой кисточкой с румянами, провела по губам коричневато-розовой помадой. Закончив, она припудрила лицо Мэгги и поднесла зеркальце, чтобы дочь смогла посмотреться.

— Спасибо, мама, — слабым голосом поблагодарила ее Мэгги.

Никем не замеченный, Натан на цыпочках вошел в дом через заднюю дверь и проскользнул в свою комнату. После обеда он сказал папе, что ему надо сходить к соседскому мальчику. Джек решил, что Натан с другом собирались делать подарки на Рождество, и больше ни о чем не расспрашивал сына. Спустя несколько минут Натан выглянул из комнаты в коридор, убедился, что его никто не видит, и бегом понесся к елке, чтобы положить под нее еще одну коробку с подарком.

Джек Эндрюс готовился к этому вечеру, отчаянно надеясь, что он никогда не наступит. Как бы усердно Джек ни молился, он никак не мог примириться с тем, что это будет его последнее Рождество с Мэгги. После обеда он сидел у кровати жены и наблюдал за тем, как она спит. Как она, тяжело больная, могла быть такой красавицей? Как он будет просыпаться в этом доме и каждый раз заново осознавать, что ее здесь нет? Он прислушивался к ее редким, неглубоким вдохам. Глаза Сильвии говорили ему, что осталось недолго, что Мэгги уже уходит от них. Двумя днями раньше медсестра усадила Джека в сторонке и поговорила с ним о том, что надо помочь Мэгги уйти — надо дать ей знать, что все будет в порядке, что ей больше не нужно цепляться за жизнь.

Мэгги проснулась и увидела те же глаза, в которые влюбилась двенадцать лет назад.

— Я люблю тебя, — шепнула она.

Мэгги и Джеку не хватало времени в сутках, чтобы повторять друг другу эти слова, но так часто, как могли, они говорили их.

— Я люблю тебя, Мэгги, — нежно ответил Джек. — Всегда любил и всегда буду любить.

Она улыбнулась одними глазами и шевельнула пальцем.

Джек встал, взял в руку ее хрупкие пальцы и прикоснулся к ним губами.

— Тот сломанный «форд-эскорт» стал самым главным событием в моей жизни, — медленно сказал он.

В глазах Мэгги блеснул огонек. Как же ей повезло, что ее так долго и так сильно любили.

Они поговорили (вернее, говорил Джек, а Мэгги только смотрела на него и кивала) об Эвелин, о детях, о том, что надо будет сделать весной на цветочных клумбах. Джек говорил обо всем, что приходило ему в голову, бессвязно, запинаясь, а Мэгги смотрела на него и улыбалась. Он гладил ее лицо, целовал ей руки, повторял, что любит, — до тех пор пока Мэгги не заснула под звук его любящего голоса.

На ужин Эвелин разогрела индейку, которую принес кто-то из прихожан местной церкви — вместе с гарниром и соусом. После еды Джек достал из-под елки коробки и пакеты и стал раздавать подарки. Первым повезло Натану, и пока он снимал оберточную бумагу, Рэйчел, сидящая на коленях у бабушки, подпрыгивала и хлопала в ладоши.

— Джек, скорее же дай и Рэйчел подарок, а то она сейчас лопнет! — засмеялась Эвелин.

Мэгги улыбнулась при виде того, как Рэйчел прижала к себе плюшевого Винни-Пуха с мягким круглым животом. Глаза Натана озарились счастьем, когда из бумаги и картона на свет явился автомобильный конструктор, о котором он давно мечтал.

Джек подмигнул Мэгги; держась за руки, они наблюдали за тем, как Рэйчел срывала бумагу с коробки с куклой. Увидев, что глаза у куклы открываются и закрываются, девочка заверещала от восторга. А Натан сиял: ему достался еще и набор из десяти фломастеров.

Эвелин развернула пакет с ярким шарфом в сиреневую и черную полоску: его выбирали для нее Натан и Рэйчел.

— Какой он мягкий и теплый! — восклицала бабушка, целуя довольных внуков.

Потом Эвелин вытащила из горки оставшихся подарков плоский пакет и вручила его Джеку.

— Мы же обычно не обмениваемся подарками, — забормотал Джек, смущенный тем, что для Эвелин он ничего не купил.

— Знаю, — ответила Эвелин и обернулась к дочери. — Я просто случайно нашла это и подумала, что Джеку понравится.

Джек вытащил из бумаги вставленный в рамку детский рисунок. На нем цветными карандашами была изображена девочка с красными щеками и кудрявыми волосами, в синем платье в желтый цветочек. В руках она держала красный воздушный шарик. У нее были длинные руки-палочки, а обе ноги повернуты в одну сторону, при этом одна заметно короче другой. Рядом с девочкой стояла собака с улыбкой на морде, ее четыре тонкие длинные лапы — как у паука — торчали в разные стороны. Под жизнерадостной собакой крупные красные буквы сообщали имя автора рисунка: МЭГГИ. Джек широко улыбнулся и поблагодарил Эвелин, затем протянул рисунок Мэгги, чтобы она тоже посмотрела.

— Ей тогда было лет шесть, — пояснила Джеку Эвелин. — Я нашла этот рисунок уже довольно давно и решила вставить его в рамку и подарить тебе.

Джек держал рисунок в руках, и перед его мысленным взором возникла маленькая Мэгги, сосредоточенно перебирающая разбросанные по столу карандаши, выбирая тот, который лучше всего подойдет для цветов на платье или для шарика. Он нагнулся к жене и поцеловал ее.

— Я бы повесил это рядом с картиной да Винчи, — провозгласил он.

Натан с тревогой ожидал момента, когда мама откроет его подарок. От предвкушения он чуть не дрожал. Оставалось всего три неоткрытых подарка, он пересчитывал. Джек взял самый маленький из них и стал разворачивать так, чтобы Мэгги было хорошо видно. Из бумаги показалась маленькая шкатулка. Джек поднял крышку. В центре, на синем бархате лежал изящный золотой медальон, украшенный узором из роз. Внутри медальона находилось две фотографии: на одной — смеющаяся Рэйчел в нарядном красном платье, на другой — Натан, сидящий на крыльце в окружении цветущих клумб.

— О, — только и смогла сказать Мэгги.

— Я знаю, что эти две фотографии тебе всегда нравились больше других, — промолвил Джек, надевая медальон на шею жены.

— А это, — объявила Эвелин, взяв в руку предпоследний сверток, — то, что тебе больше всего хотелось.

Мэгги вопросительно взглянула на мать. Та принялась неторопливо снимать обертку и наконец развернула перед восхищенными взглядами детей и внуков атласную шаль яркомалинового цвета. Эвелин получила ее в подарок от своей матери и надевала, когда выходила замуж. Свадебная фотография так и запечатлела молодую Эвелин: в юбке с корсажем, широкой блузке, шляпке и шали. Мэгги с детства обожала эту шаль, и сейчас ее глаза радостно засияли.

— Да, она всегда питала к ней слабость, — поддразнила Эвелин дочь, накидывая на нее подарок.

— Спасибо, — одними губами произнесла Мэгги.

Эвелин поцеловала ее в лоб и расправляла, завязывала и перевязывала шаль до тех пор, пока она не легла идеальными складками на плечах и груди дочери.

Натан замер: настало время вручать его подарок. Он взял в руки неумело завернутый пакет и положил его на колени матери. Эвелин и Джек переглянулись, не зная, чего ожидать. Мальчик тем временем помог Мэгги развернуть простую упаковочную бумагу, а потом снял с обувной коробки крышку и вынул оттуда пару блестящих туфель. Мэгги рассматривала их, восхищенно улыбаясь. Натан перебежал к изножью кровати, откинул

одеяло и с торжествующим видом обул маму в новые туфельки.

— Это самые красивые туфли, которые были в магазине, — сообщил он ей.

— Это лучшие туфли на свете, — прошептала Мэгги гордому сыну.

* * *

Отмечать Рождество мы приехали к маме. Только мы подрулили к крыльцу, как дверь распахнулась, и мама выбежала нам навстречу.

— Счастливого Рождества! — крикнула она.

Из дома на улицу вырывались ароматы жареной индейки, горячего сидра, пирога с орехами, хвои и дубовых поленьев, полыхающих в камине. Ханна и Лили с радостными воплями бросились в объятия бабушки. Им не терпелось начать разворачивать подарки, которые, как девочки знали, ждали их под елкой.

— Счастливого Рождества, мама! — со смехом крикнула Кейт, еле поспевая за Ханной, тащившей ее за руку в дом, к елке.

— С Рождеством тебя, мама, — сказал я, нагибаясь, чтобы поцеловать ее. Я, как и дети, тоже горел нетерпением, но по другому поводу: я хотел рассказать маме о том, что случилось прошлой ночью.

— Пойдем скорее! — крикнула Лили, обхватив меня за колени.

— Хорошо, хорошо, — сдался я. — Давайте займемся главным делом.

Лили захлопала в ладоши, когда я вручил ей коробку выше ее роста. Ханна ахнула при виде золотого пакета, перевязанного золотой ленточкой. Я раздавал подарки, пока наконец перед каждым не образовалась целая горка: свитера, сережки, посуда и книги для Кейт; куклы, книжки-раскраски, одежда и еще куклы для Лили; настоящие, как у взрослых, бусы, настольные игры, набор бумажных кукол и наимоднейшие аксессуары к Барби — для Ханны. Любимой свекрови Кейт приготовила подарок уже давно, и сейчас мама развернула великолепную золотую брошь с драгоценными камнями, соответствующими месяцам рождения Лили и Ханны.

— Я всегда мечтала иметь ваши камушки! — воскликнула мама. — Теперь буду носить эту брошку не снимая!

Она тут же приколотла брошь к свитеру и добавила, что украшение отлично подойдет и к новому небесно-голубому блейзеру, и к новой же блузке из красного шелка.

— О, какое все красивое! — не уставала восторгаться мама. — Буду самой модной бабушкой на свете!

Я раскладывал перед собой лосьон после бритья, книги, носки и... трусы. И почему мама, несмотря на мой возраст, упорно дарит мне нижнее белье?

— Мне показалось, что новые трусы тебе не помешают, — заявила мама в ответ на мое удивление, чем вызвала у наших девчонок неудержимый смех.

— Ну конечно не помешают. Спасибо, — ухмыльнулся я и взял в руки свой последний подарок. Маленькая коробочка, смутно знакомая, была заклеена полоской скотча. Я надрезал полоску ногтем, поднял крышку, отогнул оберточную бумагу и взглянул на маму с недоумением. Внутри оказалась та самая трубка «Данхилл Биллиард». Рядом лежала карточка с лаконичным пожеланием: «Ни о чем не сожалеть».

— Что это? — спросила Кейт.

— Это, — произнес я, с важным видом беря в рот трубку, — напоминание.

Мама как раз собиралась приоткрыть дверцу духовки, когда я вошел в кухню и окликнул ее:

— Мам!

Она вздрогнула от неожиданности и уронила на пол прихватки.

— Ты напугал меня, Роберт, — упрекнула она меня.

— Я не хотел, — извинился я и потянул ее к кухонному столу.

— Мне надо посмотреть, как там индейка, — отмахнулась от меня мама.

— Потом, — настаивал я. — Сядь. — Она села. — Мама, вчера мы с Кейт проговорили до половины пятого утра.

— О чем? — ахнула мама. — Ох, да вы же оба, наверное, без сил.

— Ага, — подтвердил я, растирая виски. — Я устал как собака. У меня голова кружится от недосыпа.

— Ну так сядь же, не стой! — забеспокоилась мама.

Я сел, поглядывая на нее сияющими глазами.

— Мам, вчера случилось невероятное. — Она придвинулась поближе ко мне, не желая пропустить ни слова. — Это было как прозрение, как будто в меня ударила молния или что-то еще. Я пошел в магазин за подарками для всех, а потом решил, что никому ничего покупать не буду. Да, кстати, это Кейт заказала тебе брошь, и все остальное купила тоже она, — вспомнил я. — Лично я тут совсем ни при чем.

— Ну спасибо, — рассмеялась мама.

— Ну, если в двух словах, то мы с Кейт решили попробовать начать сначала.

Мама стукнула кулаком по столу:

— Я знала, что она еще любит тебя.

— Кажется, да, — смущенно проговорил я. — А я люблю ее.

— Отлично! А теперь иди, — скомандовала мама, выпроваживая меня из кухни. — Иди, иди! Поиграй с девочками, сегодня же праздник. Я тут все закончу и тоже сейчас приду. — Она шутливо подтолкнула меня к двери, а сама вернулась к плите.

— Спасибо тебе, Господи! — уже сидя в гостинной, услышал я ее возглас. Потом заскрипела дверца духовки, гулко стукнулся о стол противень. — Спасибо тебе, Господи, — доносилось из кухни вместе со звоном тарелок. — Спасибо! Спасибо! Спасибо!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Декабрь 1985 года

Мы не сомневаемся в том, что Бог сделает так, как лучше для нас; о нас волнует, насколько болезненным окажется это лучшее.

Клайв С. Льюис

Приближалась полночь. Елочные гирлянды самоотверженно горели, дети давно уснули. Натан, наверное, был уже слишком взрослым, чтобы видеть сны о Санта-Клаусе, а Рэйчел — слишком мала. Джек безотрывно глядел в голубые глаза жены — пока у нее были силы держать глаза открытыми.

— Я люблю тебя, Мэгги, — повторял он снова и снова. — Спасибо за то, что ты моя жена. Спасибо за твою любовь ко мне. — Ответить ему она уже не могла, но не сводила глаз с лица Джека. — Мы справимся тут без тебя, Мэгги, — сказал Джек, глядя жену. — Мы все любим тебя, и мы справимся, так что если хочешь, иди.

Эвелин держала дочь за руку.

— Не мучайся, иди, все будет хорошо, — успокаивал жену Джек.

— Папа ждет тебя, — добавила Эвелин. — Хочешь к папе? Иди, детка, не волнуйся за нас.

Постепенно глаза Мэгги стали закрываться все чаще и чаще, и в какой-то момент веки больше не разомкнулись. Еще два часа Эвелин и Джек продолжали разговаривать с ней, видя, как ее дыхание становится все реже. Эвелин стала читать историю Рождества из Евангелия от Луки:

— «Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова... — читала она, а тем временем Джек поправил шаль на плечах Мэгги и передвинул медальон так, чтобы он лежал ровно посередине. — ...записаться с Мариєю, обрученной ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца. — Эвелин приостановилась, чтобы погладить Мэгги по руке, и продолжила: — И спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Дочитав стих про пастухов, она вспомнила, что в Евангелии от Луки не упоминались волхвы. Она перелистнула несколько страниц, нашла Евангелие от Матфея и отыскала нужный абзац:

— Вот этот стих, Мэгги, — сказала она, придвигая Библию ближе к дочери. — «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». — Эвелин положила Библию на колени. — Когда Мэгги была маленькой, то не могла поверить, что никто, кроме волхвов, не заметил на небе той огромной звезды. Помнишь, Мэгги? — спросила она, лаская лицо дочери. — Теперь ты должна найти эту звезду. О нас не волнуйся. Натан и Рэйчел спят в своих кроватках. Мы справимся, а ты найди звезду и следуй за ней. Следуй до тех пор, пока не увидишь Иисуса. Он ждет тебя, девочка моя.

Джек и Эвелин предавались воспоминаниям еще некоторое время. Они поговорили о

свадьбе Мэгги и Джека, о рождении Натана и о рождении Рэйчел. Джек говорил Мэгги снова и снова, как она красива и как счастлив он был, живя с ней, и в два часа сорок три минуты, когда Джек повторял, что любит ее, Мэгги издала последний вздох и умерла. Боли больше не было. Страдание закончилось.

Эвелин неподвижно стояла у кровати, закрыв рот дрожащими руками.

— О Господи, нет, — простонала она, утыкаясь головой в плечо Мэгги. — Она ушла! Я не верю.

Джек скорчился у изголовья, все еще держа Мэгги за руку; его плечи содрогались от сдавленных рыданий.

— О, мой ангел, — стонала Эвелин и покрывала лицо и руки дочери поцелуями. — Мой единственный, милый ангел.

Джек обхватил тело Мэгги и стал качаться вместе с ним взад и вперед. Яркий шарф на голове Мэгги сбился на сторону и сполз на подушку.

— Я думал, что готов отпустить тебя, Мэгги, любовь моя, но не могу, — плакал он, уткнувшись ей в шею. — Просто не могу.

В начале четвертого утра Джек разбудил Натана и объяснил, что мама ушла на небо. Испуганный мальчик побежал в гостиную, где увидел, что его мать мирно лежит на постели, а рядом сидит бабушка с красным и мокрым от слез лицом. Натан встал у кровати и тихонечко прикоснулся к маминой руке. Рука не придвинулась к нему, не шевельнулась, а осталась лежать на белой простыне. Натан посмотрел Мэгги в лицо. Казалось, что она просто спит.

— А она уже на небе? — спросил он робко, пытаясь понять, дышит мама или нет.

— Да, милый, — ответила бабушка, улыбаясь и плача одновременно. — Она уже там.

До прихода людей из похоронной фирмы они успели попрощаться с Мэгги, поцеловать ее на прощание, погладить в последний раз ее руку.

— Я люблю тебя, мама, — всхлипывал Натан.

Джек обнял его, понимая, что восьмилетний сынишка не в силах осознать, что он больше никогда не увидит свою мать.

Кое-кто из соседей потом поговаривал, что со стороны Джека жестоко было будить Натана той ночью. Однако много лет спустя уже взрослый Натан не раз благодарил отца и бабушку за то, что они дали ему возможность проститься с мамой. Той ночью он увидел спокойствие на ее лице — и понял, что она действительно на небесах, понял, что она говорила ему правду.

Тихий стук в дверь напугал их — хотя они ожидали его. Джек прошел в прихожую, чувствуя себя как во сне или под водой. Он открыл дверь. Двое мужчин представились, выразили соболезнования и прошли в комнату. Эвелин отвела Натана в сторону, и они молча стояли, наблюдая за работой мужчин. Те молча обернули тело Мэгги в простыню и перенесли его на складную каталку. Джек держал руку жены до последнего мгновения, когда каталку вытолкали на ночной холод и погрузили в похоронный автомобиль. Натан остался стоять у пустой постели, а его бабушка безвольно опустилась на стул, привлекла к себе внука, обняла его крепко-крепко и беззвучно заплакала. За окном на землю тихо падал снег. Отец Натана стоял во дворе и смотрел на удаляющийся автобус.

Телефон зазвонил в одиннадцать утра, когда Дорис, вместе с сыном и его женой,

приехавшими на Рождество, разбирала гору подарков под елкой. Извинившись, она ушла на кухню и сняла трубку. Услышав голос на другом конце провода, она переменялась в лице. Дорис потом так и не вспомнила, кто звонил — то ли тетя, то ли соседка ее ученика. Единственное, что она запомнила из краткого разговора, было то, что ночью умерла Мэгги Эндрюс. Она скончалась у себя в доме в присутствии мужа и матери.

К часу дня дом Натана заполнился друзьями, родственниками и соседями, а кухня уже не вмещала еду: на всех поверхностях громоздились блюда и миски, индейки, соусы, зеленые бобы, горошек, кукуруза и картофельное пюре, картофель жареный, картофель отварной, картофель печеный, картофель сладкий.

Натан вынул из контейнера, куда бабушка сложила рождественское печенье, одного Санта-Клауса и тихо уселся на пол в уголке. Из спальни вышли отец с бабушкой, они вынесли одежду, в которой должны были похоронить маму: ее любимое платье, которое она носила в церковь и на свадьбы, шаль, подаренную бабушкой, блестящие туфли — те, что купил для нее сам Натан. Он молча наблюдал за тем, как гости утешали бабушку и папу, шептали им что-то на ухо, хлопали Джека по спине, брали Эвелин за руку. В толпе посетителей Натан узнал кое-кого с работы отца и несколько человек, которых встречал в церкви. Сквозь лес из высоких ног пробиралась Рэйчел, волоча за собой своего нового Винни-Пуха. Она отыскала отца и залезла к нему на колени. Небольшая группа женщин окружила Эвелин. Они тихо переговаривались и то и дело ласково поглаживали бабушку по руке или по спине.

Натан признал и кое-кого из соседей, но большинство гостей были ему незнакомы. Многие тихо входили в дом, оставляли на кухне еду или подарки, а затем молча уходили, не сказав ни слова. Лица, имена, голоса людей сливались, но Натан на всю жизнь запомнил их великодушие. Одна пожилая женщина в свитере, на котором было написано «Рождество — это любовь», вымыла все тарелки, отскребла все кастрюли, вынесла мусор и навела порядок на кухне, никем не замеченная. Потом (Натан видел, он специально выглядывал из своего укромного уголка) она украдкой прошлась по гостиной, собирая чашки и блюдца, отнесла посуду на кухню, тут же все перемыла и расставила по местам. Затем она взялась за холодильник: выкинула то, что испортилось или заплесневело, протерла полки и загрузила их принесенными запеканками и пирогами. Когда все было сделано, она надела пальто и ушла.

Двое немолодых супругов, появившись в дверях, обменялись несколькими словами с Джеком, одели Рэйчел, подхватили Винни-Пуха и новую куклу, которая хлопала глазами, и исчезли. Джек успел только чмокнуть дочку в пухлую розовую щеку. Натан обрадовался, что его никто не увел. Хотя мамы рядом с ним не было, он уже тогда понимал: все, что происходит сейчас в доме, совершается ради нее.

Вдруг он услышал хорошо знакомый голос. Это пришла его учительница, миссис Паттерсон. Он не ожидал увидеть ее до начала занятий в школе. При виде ее доброго лица в горле у него что-то сжалось. Все те дни, что она подвозила его домой, они мало разговаривали, но он всегда с радостью ждал того момента, когда надо было садиться к ней в машину. Рядом с миссис Паттерсон стоял добродушный на вид мужчина, которого Натан никогда раньше не видел. Мальчик вскочил на ноги и вслед за отцом и бабушкой приблизился к учительнице.

— Здравствуй, Натан, — сердечно сказала Дорис.

Натану показалось, что она недавно плакала.

— Здравствуйте, миссис Паттерсон, — негромко ответил он, взмахнув рукой, в которой был зажат Санта-Клаус.

— Натан, познакомься, это мистер Паттерсон, — представила мужа Дорис.

— Очень рад нашей встрече, Натан, — улыбнулся мужчина с добродушным лицом.

Натану было приятно, что в этот день к нему в гости зашли учительница и ее муж.

Дорис провела мальчика на кухню и села вместе с ним за стол. Натан положил перед собой надкушенное печенье.

— Натан, — сказала Дорис. — Я совсем забыла о пленке, на которой были эти кадры. Я нашла ее, когда прибиралась в своем столе перед каникулами, и подумала, что надо напечатать для тебя несколько снимков.

С этими словами она вытащила из сумки рамку с фотографией, сделанной в начале учебного года, когда Мэгги и Натан помогали миссис Паттерсон оформлять стенгазету. Перед тем как щелкнул фотоаппарат, смеющаяся Мэгги успела сделать сыну «рожки» из двух карандашей.

Затем Дорис протянула Натану конверт с двумя другими снимками. Один из них запечатлел Мэгги, когда она проводила конкурс по арифметике. Она показывала однокласснику Натана табличку с примером, который надо было решить. Мальчик сосредоточенно вглядывался в цифры, а Мэгги, заметив, что ее фотографируют, повернулась к объективу лицом и подмигнула. На втором снимке Мэгги прижималась щекой к тому же мальчику и широко, радостно улыбалась.

— Эти фотографии сделаны в прошлом году, — подсказала Дорис.

Натан рассматривал их, перебирал, как колоду карт: сначала снимок в рамке, потом два из конверта, а затем в обратном порядке, он изучал их, вглядываясь в мамино изображение снова и снова. Мама здесь выглядела как-то не так... и вдруг он понял почему. Эти снимки были сделаны до того, как Мэгги заболела, когда она еще бегала с ним по траве, и танцевала под радио, и помогала в школе миссис Паттерсон. Он запомнит ее такой, какой она была на этих снимках.

Они молча посидели еще несколько минут, потом Дорис встала и собралась уходить.

— Спасибо, миссис Паттерсон, — проговорил Натан, сжимая в руках фотографии.

Дорис обернулась, желая как-нибудь утешить мальчика, но не нашла слов. Они с мужем уже прощались с Джеком и Эвелин, когда Дорис заметила серебряные туфли, лежащие на стопке одежды возле входной двери. Она посмотрела на Натана, который в ответ застенчиво улыбнулся.

— Я подарил их маме, чтобы она знала: она самая особенная и самая красивая, — проговорил он.

— О, милый, она это знала. Я уверена, она это знала.

Дорис отпустила руку мужа и нагнулась, чтобы обнять Натана. Через мгновение дверь за ними закрылась.

Натан наблюдал в окно, как Паттерсоны сели в машину и уехали. Из гостиной до него доносились обрывки фраз. Все слова он не мог разобрать, но понял, что его мать не хотела бы, чтобы он это слушал. И он отвлекся от голосов, снова взглянул на улыбающееся лицо на фотографии и стал смотреть в небо, надеясь разглядеть маму среди облаков.

В небе все выше поднималось солнце; оно сияло, осыпая блестками сугробы и подсвечивая скрытые снежными пуховиками деревья. Я играл в прятки с Ханной и Лили (очень бодрящее занятие), когда меня позвала Кейт:

— Тебя к телефону. Это Далтон, — добавила она, передавая мне трубку.

Далтон и Хедди, с печальными заплаканными лицами, ждали нас на крыльце. Я распахнул дверцу, выскочил из «мерседеса», не дожидаясь Кейт, и бросился в дом. Обежав гостиную, кухню, второй этаж, отчаянно надеясь найти маму и не найдя ее, я спустился вниз, где уже собрались Далтон, Хедди и Кейт.

— Не говори мне, Далтон, — взмолился я, опускаясь на диван. Мой голос срывался на крик. — Не говори мне, что ее здесь нет.

Рядом присела Кейт, обняла меня, положила голову мне на плечо.

— Она пригласила нас на завтрак, — негромко сказал Далтон. — Мы постучали, никто не ответил. У нас был запасной ключ, мы открыли дверь. Она сидела в своем кресле возле елки. «Скорая помощь» приехала быстро, но... — Он замолчал. Горе переполняло Далтона. Он очень любил мою мать. Шагнув ко мне, он протянул мне листок бумаги. — Это было у нее в руках.

Я сунул листок в карман.

Натан стоял у двери и наблюдал, как больничную кровать выкатывают из гостиной и грузят в фургон, припаркованный возле дома. Встревоженный и испуганный, он следил за действиями грузчиков; когда дверцы фургона захлопнулись, его маленькое сердце забило сильнее, и наконец, когда машина отъехала, чувства переполнили Натана. Он прижался лицом к оконному стеклу, и слезы потекли по его щекам.

Поплакав, он глубоко вздохнул и задумался. Бывало, сидя в классе или играя с друзьями, он иногда старался представить, где находятся его папа и мама в этот самый момент. Какую машину чинит папа? Что делает мама — играет с его младшей сестренкой? Или печет печенье к его приходу из школы? Или катит тележку по универсаму, делая покупки? Раньше он часто рисовал в уме, чем занимается мама в течение дня, но больше ему не придется гадать. Теперь он точно знает, где она и что делает. Она бегает, прыгает и играет — как тогда, когда в их доме еще не было той больничной кровати. И каким-то необъяснимым образом это видение успокоило заплаканного мальчика, стоявшего у окна, и подарило ему надежду.

В тот же вечер мне позвонили и сообщили, что моя мать умерла от аневризмы головного мозга. Голос в трубке объяснил, что она скончалась мгновенно, не испытывая боли. Я связался с Хью и сделал еще несколько необходимых звонков родственникам и

друзьям, а затем пошел пожелать Ханне и Лили спокойной ночи и поцеловать их.

Потом мы с Кейт сидели в гостиной, освещенной лишь белыми огоньками елочных гирлянд.

— Думаю, надо похоронить ее в том новом голубом блейзере, — сказал я, глядя на огни. — И в новой блузке. И приколоть брошку. — Я прокашлялся, потому что голос мой срывался, и тихо продолжил: — Она бы обязательно захотела надеть брошку. Маме так нравилось, что в брошке камни обеих внучек. — Я засмеялся, вытирая слезы. — Да она бы никогда не простила мне, если бы я похоронил ее без этой брошки.

Кейт откинулась на спинку дивана, вытирая слезы обеими руками.

— И наверное, надо попросить Далтона сказать на похоронах несколько слов, — добавил я. — Они были очень дружны.

— Конечно, — согласилась Кейт.

Я взглянул на часы.

— Хью вылетает в десять, значит, здесь он будет где-то в половине шестого утра. Так, пастор зайдет завтра, обсудим с ним, как проводить службу. — Я уперся локтями в колени и опустил голову в ладони, растирая усталые глаза.

Кейт прильнула ко мне, обняла меня за плечи и так и сидела, пока не уснула. Я накинул на нее край покрывала и молча сидел в тишине, смотрел на елку — как любила делать моя мать. Я припомнил день, когда Ханна и Лили наряжали бабушкину елку, как их маленькие ручки порхали над раскрытыми коробками, выбирая самую красивую игрушку, самую яркую гирлянду. Для мамы елка была не просто украшением. Она была ежедневным напоминанием о времени, которое она провела со своими детьми и внуками. Я вытер набежавшую слезу.

— Как же тяжело потерять маму в самое Рождество, — произнес я, сжимая гудящие виски.

Под утро я тоже начал клевать носом и сходил в спальню за одеялом для себя и Кейт. Уже готовясь ко сну и выкладывая содержимое карманов на стол, я наткнулся на письмо, которое передал мне Далтон. За горестными хлопотами я совсем забыл об этом клочке бумаги.

Подойдя ближе к елке, чтобы в свете гирлянды увидеть написанное, я прочитал: «Дорогой Роберт. Я знаю, самое трудное для тебя еще впереди, но однажды ты поймешь, что твои усилия были не напрасны...»

Я плакал, читая это незаконченное письмо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рождество 2000 года

*Власть смерти не безгранична —
Она не может стереть воспоминания
Или убить любовь.
Она не может разрушить веру
Или навсегда загасить надежду на Бога.
Она не в силах проникнуть в душу
И не в силах ослабить дух.
Она просто разделяет нас на время.
Это единственное, что может смерть.
А больше — ничего.*

Донна Ванлир

Звонок раздался довольно поздно. Мы с Кейт оба рванулись к телефону, но Кейт опередила меня. Я следил за выражением ее лица: напряженное ожидание вдруг сменилось безграничной радостью.

— Мальчик! — завопила она.

«Я — бабушка. Мы теперь — бабушка и дедушка!» — пронеслось у меня в голове. Сердце вырывалось из груди от переполнявших меня чувств.

— Она хочет поговорить с тобой, — сказала Кейт, протягивая мне трубку.

— Алло! Доченька! — чуть не кричал я. — Поздравляю! Как ты?

— Хорошо, папа, спасибо, — ответила Ханна. Ее голос звучал по-новому: увереннее, что ли.

— Ну а как наш внук? — впервые в жизни, волнуясь и гордясь, задал я этот вопрос.

— Он — чудо, папа, только у него ноги как у дяди Хью, — воскликнула Ханна.

— Да ты что? Такой маленький, и уже с косточками? — пошутил я.

— Нет, конечно, он косолапенький... но знаешь, ему это так идет! — засмеялась она.

— Ну, а имя у парня уже есть? — спросил я.

В телефонной трубке потрескивали разряды. После секундной паузы Ханна сказала:

— Да. Мы назвали его Эван Роберт. В честь тебя, папа.

Эван Роберт приехал! Весил он на тот момент чуть больше трех килограммов и росту в нем было пятьдесят три сантиметра. С розовым личиком и пучками мягких волосиков по обеим сторонам головы он удивительно напоминал лысого старичка. Ханна и ее муж, а теперь и сын, жили в четырех часах езды от нас, в небольшом городке, где Ханна преподавала в местной школе, а Стивен работал полицейским. Каждый раз, когда я гляжу на Ханну, то не могу удержаться от улыбки: она — точная копия Кейт, какой я ее впервые увидел столько лет назад: те же блестящие черные волосы, тот же мелодичный смех и то же доброе сердце. Лили заканчивала колледж: после прошлогодней стажировки в моей фирме она грозила пойти по моим стопам и стать юристом. Она любит подначивать своего старого отца. Говорит, что мне не повредит небольшая конкуренция. Несколько лет назад я наконец

открыл собственную компанию, и мы даже выиграли пару относительно громких дел. Как Ханна — стопроцентная брюнетка, так Лили — стопроцентная блондинка. И настоящая красавица, хотя она сама, похоже, совершенно этого не осознает, сколько бы мальчишки из студенческого городка ни твердили обратное (к моей досаде). И вот теперь Ханна привезла сыночка к нам, отмечать первое в его жизни Рождество.

Кейт чуть с ног не сбилась, подготавливая дом к приезду своих девочек и первого внука.

— Передвинь-ка это вот сюда, Роберт, — говорила она, но через несколько секунд меняла решение: — Нет-нет, поставь обратно. Здесь оно занимает слишком много места.

Я едва поспевал за ее указаниями, помогая готовить и печь, доставать с чердака рождественские украшения, покупать подарки для малыша. А она радостно хлопотала, время от времени приговаривая:

— Подумать только, наше первое Рождество с внуком.

Мой собственный опыт доказал справедливость одного выражения, которое я слышал бесчисленное количество раз, но не придавал ему большого значения: «С появлением внуков нормальные люди превращаются в сумасшедших». Наш холодильник было не разглядеть под фотографиями улыбающегося Эвана в ванне, улыбающегося Эвана на полу, улыбающегося Эвана в кровати, улыбающегося Эвана на руках у мамы. В принципе это была одна и та же фотография, просто сделанная в разных местах.

Когда мы услышали, как подъезжает машина, Кейт оттолкнула меня с дороги и бросилась открывать дверь. С криком «Счастливого Рождества!», размахивая руками, она со всех ног побежала к машине, где после быстрых поцелуев и объятий с Ханной и Стивеном новоявленная бабушка трепетно подхватила сверток с внуком и подняла его высоко в воздух.

— А вот и он! — воскликнула она. — Вот он, бабушкин мальчик!

Ко мне подскочила Ханна и чмокнула меня в щеку, а затем прошла вслед за Кейт в дом, где они принялись охать и ахать над Эваном, на время начисто забыв о нашем со Стивеном существовании.

— И вам тоже счастливого Рождества! — попробовал я завести с ними беседу, но ответа не получил. — Ну что, Стивен, наша компания здесь пока не требуется, — обратился я к зятю. — Не хочешь съездить со мной в аэропорт за Лили?

Когда мы втроем вернулись, дом весь светился рождественскими огнями, которые я развешивал в первое воскресенье после Дня благодарения. Весь процесс проходил под строгим и неусыпным контролем Кейт, которая стояла под лестницей и кричала снизу вверх: «Эта гирлянда слишком провисла!» или «Роберт, венок надо передвинуть, он висит не по центру». К концу дня общими усилиями дом был приведен в такой вид, которым гордилась бы даже моя мать. Не забыли мы установить на лужайке перед домом и рождественский вертеп.

Лили влетела в дверь, подхватила крохотного племянника на руки, нежно прикоснулась щекой к его носику, восторженно повторяя:

— Вы только посмотрите на него! Ах ты славный малыш! Славный!

Я вынул свой «Данхилл Биллиард», набил табаком, пахнувшим сосновым бором, поднес спичку.

— Папа! — протянула Лили. — Тебе обязательно сейчас дымить этой штукой?

Но Кейт не сказала ни слова. Я так никогда и не объяснил ей, почему время от времени курю трубку, да она и не спрашивала. Она знала, что это как-то связано с моим

возвращением в семью, и этого ей было достаточно.

Эван заливался счастливым смехом в бабушкиных руках: Кейт то поднимала его кверху, то опускала вниз и зарывалась лицом в мягкий животик.

— Кто бабушкин ангел? — спрашивала она таким голосом, который, как я подозревал, приводил в боевую готовность всех собак в округе. — А? Кто бабушкин ангел?

Малыш смеялся и пускал пузыри, болтая в воздухе ручками и ножками. Лили протянула ему свой палец, и Эван схватился за него и не отпускал, даже когда бабушка подкидывала его высоко-высоко.

Я сидел в кресле, пыхтел трубкой и улыбался тому, что видел, улыбался нашей семье. Снова и снова я задумывался над тем, кто же был тот маленький мальчик, который так изменил всю мою жизнь.

ЭПИЛОГ

Рождество 2000 года

Пряча от ледяного ветра лицо, я сидел на корточках и руками сковыривал с надгробия комья замерзших листьев. «Эллен Катрин Лэйтон, — показалась наконец надпись на памятнике. — 15 августа 1917 года — 26 декабря 1985 года. Любимой маме». Очистив от снега и льда небольшой участок перед памятником, я отправился обратно к машине. В багажнике я привез некоторые из маминых любимых украшений: хвойный венок, остролист, гирлянду. Пока я пытался взять все это в один прием, что у меня не очень получалось, мимо прошел какой-то человек. Мне это показалось странным: Рождество — не тот день, когда люди ходят на кладбище. Во всяком случае, за все те годы, что я приезжаю сюда украшать к Рождеству мамину могилу, мне никто не встречался. Я пожал плечами, посочувствовал бедняге, которому в такую непогоду тоже приходилось мерзнуть на улице, и захлопнул крышку багажника.

Возвращаясь к маминой могиле, я нагнул голову как можно ниже, спасая щеки от колючего мороза. В ушах завывал ветер. Как бы высоко ни поднимал я воротник пальто, толку от него было немного. Поднявшись вверх по склону, я снова увидел того человека. Краем глаза я заметил, что это симпатичный юноша с бумажным пакетом в руках. В отличие от меня, он был одет в толстый темно-синий пуховик и шерстяную шапку с университетским логотипом. Заметив, что он смотрит на меня, я попытался помахать рукой, из-за чего чуть не уронил венок.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро, — тоже помахал мне незнакомец. — Счастливого Рождества!

— И вам того же, — бодро ответил я.

— Вы первый человек, которого я встречаю здесь в этот день! — перекрикивая ветер, воскликнул он.

— Я подумал то же самое! — кивнул я.

Ветер немного стих, проглянуло солнышко, по обледенелым веткам и надгробиям рассыпались искры — все кладбище вдруг озарилось светом.

— Вы учились в университете? — спросил я, указывая на его шапку.

— Еще учусь, — улыбнулся он.

— Наш курс выпустили в семидесятом, — сообщил я. — В те времена мы пользовались чернильницами, разумеется. Что вы изучаете?

— Онкологию, — ответил он несколько смущенно. — Не знаю, как дальше пойдет.

— Здорово! Но курс действительно сложный, это верно. Дороги сегодня невозможные, а? Я не смог заехать сюда на машине, — поделился я.

— Да, сэр. Я ехал из больницы по федеральной трассе, ее песком посыпали, но все равно очень скользко. Может быть, солнце выглянет, поможет.

— Вы уже лечите? — пошутил я.

Порывы ветра вновь усилились. Я поежился, запахивая пальто поплотнее.

— О, нет, пока нет! — засмеялся молодой человек. В его голубых глазах светилось дружелюбие; щеки покраснелись от мороза и ветра. — У нас сейчас каникулы, и я помогаю больнице на добровольных началах.

— Это замечательно. Конечно, больница — не самое лучшее место для проведения

каникул, но думаю, пациенты благодарны вам. Что ж, приятно было поговорить с вами. Еще раз счастливого Рождества, — сказал я и заторопился к могиле матери.

Я увил надгробие остролистом, положил под надписью венки, справа и слева поместил гирлянды. Соскребая с букв остатки инея, я бормотал под нос:

— Вот так, теперь ей понравится.

Обычно могилы украшают в родительскую субботу, в день рождения или в день смерти усопшего, но моя мать любила Рождество, а не родительскую субботу, и поэтому каждый год, в снег и в слякоть, в мороз и оттепель, я приезжал в этот день на кладбище.

— Нынче Рождество страшно холодное, мама, — сказал я, потирая руки. — Я знаю одного человека, который радуется, что в этом году не надо украшать твой дом к празднику, — усмехнулся я, вспоминая, как дрожала под Далтоном мамина шаткая лестница, пока он пытался выполнить все ее указания по развешиванию гирлянд и венков. — Ханна привезла к нам Эвана, и, должен признать со всей объективностью, во многом он очень похож на своего дедушку: такой же красивый и обходительный молодой человек... умеет обращаться с женщинами. Да, чуть не забыл: и тоже очень скромный. Когда вы с ним встретитесь, ты сама увидишь, что Эван — вылитый я.

Я помолчал, вздрагивая от холода, поглядел на дату ее кончины.

— Я так скучаю по тебе, мама, — сказал я. — Каждый день вспоминаю о тебе.

Настала пора уходить. Поднявшись с колен, я увидел, что тот парень уже ушел. Наверное, замерз, решил я. Обхватив себя руками, чтобы согреться, я пошел было к выходу с кладбища, но вдруг что-то яркое привлекло мое внимание. Я сощурился, напрягая зрение, и сердце забилось у меня в груди: у могилы, которую навещал юноша, стояла пара новеньких, вышитых бисером и блестками туфель. Забыв о холоде, я подошел ближе и прочитал надпись на памятнике:

Маргарет Элизабет Эндрюс.

17 марта 1951 года — 25 декабря 1985 года.

Любимой жене, матери, дочери

Я тут же посмотрел туда, где получасом раньше стояла машина молодого человека. Там уже было пусто. Тогда я вернулся к маминой могиле, снял одну из гирлянд и положил ее рядом с туфлями.

Домой я ехал улыбаясь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сегодня

Если мы открыты для этого, то Бог при помощи самых простых вещей может изменить наши жизни... изменить нас. Чтобы достичь цели, Ему будет достаточно смеющегося ребенка, неисправных тормозов, скидки на тушеное мясо, безоблачного неба, поездки на ферму за елкой, учительницы, курительной трубки... или даже обычной пары туфель.

Некоторые люди никогда в это не поверят. Им все это может показаться слишком тривиальным, слишком мелким, слишком незначительным, чтобы навсегда изменить чью-либо жизнь. Но я верю.

И всегда буду верить.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ТУФЛИ

Эдди Карсвелл и Леонард Альстром [\[3\]](#)

*Было не до торжества накануне Рождества,
В очереди я стоял и подарки покупал.
Мальчик был передо мной, он дрожащею рукой
Трогал туфельки красивые —
И глаза его были такие счастливые!*

*В заштопанных обносках, весь вымазан в грязи,
Вот что сказал он продавцу —
И слезы по лицу!*

Припев:

*«Маме я хочу купить эти туфли, сэр.
Завтра будет Рождество... Вот ее размер.
Папа говорит, что нет времени у нас,
Мама ведь совсем больна, и недолог час.
А эти туфли мамочке понравятся,
И ко Христу она красавицей отправится».*

*Он медяки отсчитывал устало,
Но их на туфли явно не хватало.
В карманах рылся он на самом дне,
А после повернулся он ко мне.*

*«На Рождество нас мама баловала,
Хоть трудно было ей, и денег мало.
Скажите, сэр, ну как теперь мне быть?
На Рождество мне надо туфли ей купить!»*

*Я заплатил, ведь я не мог иначе.
И не забуду, как сказал он, чуть не плача:
«Ах, мамочке красавицею быть!»*

Припев.

*И были мне, как луч Любви Небесной,
Короткие прощальные слова.
Господь послал мне этого ребенка,
Напомнив мне, в чем смысл Рождества.*

Привет.

«Рождественские туфли» — прекрасная, вдохновенная книга, которую можно с удовольствием почитать и в праздник, и в будний день. Это история о двух совершенно разных людях, чьи судьбы пересеклись лишь однажды в рождественский вечер.

Один из них ищет способ вернуть семью, которой долго не уделял внимания, в то время как семья другого пытается примириться с потерей матери и жены.

Американская писательница Донна Ванлир убеждает нас в том, что даже незначительное на первый взгляд событие может навсегда изменить жизнь. Это повесть о надежде, о вере и прежде всего о любви, которая преодолагает самую сильную сердечную боль.

WWW.AMPHORA.RU

9 785367 002775

ISBN 5-367-00277-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Перевод Н. Воронель.

У англичан существует обычай в Рождество целоваться под ветками омелы, висящими над входной дверью.

Перевод С. Степанова.